

СМЕНА

3

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

УЧИТЬСЯ УПОРНО, ТЕРПЕЛИВО!

«Где ты учишься?» — каждому из нас хорошо знаком этот вопрос. Его слышим мы, когда нашего товарища принимают в комсомол. Его задают новичку, который сегодня впервые пришёл работать в наш тех и пока знакомится с колlettivom. Его встречают мы во всех местах. Ему вручается книга комсомольской организации, венчая полосы газет, «наше хните...»

«Где ты учишься?» — этот вопрос стал общенным, обычным. И в нём звучит великое утверждение. Человека не спрашивают, учился ли он, его спрашивают, где он учится. Первое само собой разумеется: не учиться нельзя!

Советские люди свято выполняют завет Ильича: учиться, учиться и ещё раз учиться.

Процессы накопления и развития культурных сила получают такое развитие, что в нашей стране учатся ныне 57 миллионов граждан! Пятьдесят семь миллионов учащихся, студентов, курсантов, слушателей! Олавдевая богатствами марксистско-ленинской науки, они проводят долгие часы над книгами Маркса, Энгельса, Ленина, изучают гениальные труды товарища Сталина. Они слушают лекции о достижениях советских учёных, о победах новаторов труда. Они учатся управлять сложнейшими машинами и создавать их. Знания, которые получили эти люди вчера, сегодня помогают им строить коммунизм.

Мы растём. И то, что достигнуто вчера, сегодня нас не удовлетворяет. Центральный Комитет нашей партии, советское правительство ставят новые задачи в области народного просвещения. К концу пятилетки намечён переход на всеобщее среднее десятилетнее образование в крупных городах и промышленных центрах.

Огромное значение имеет политизация школы, предусмотренная директивами XIX съезда партии. Школа будет приближена к жизни, к практике нашего коммунистического строительства. Она станет высказывать мнение всеторонне подготовленных обывателей нашей страны, будет осуществлять переход ко всеобщему политическому обучению.

«Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, а чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо», — говорит товарищ Сталин. Эти слова обращены прежде всего к молодёжи, к нам, комсомольцам.

Будем же учиться ещё упорнее, чтобы внести в великие дела строительства коммунизма достойный вклад!

Студенты Саратовского государственного университета в одной из аудиторий.

Фото Г. Ворисова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 3, 1953 год.

Год
издания
30-й

Пуд соли

Диме Пёслу, топографу экспедиции

Пословица на свете есть,
В которой говорится:
«Пуд соли вместе нужно съесть,
Чтоб в дружбе укрепиться».

Пуд соли на двоих с собой
Мы, очевидно, съели.
Нас солью оселепили. Узбой
Так, что глаза болели.

А мы мечтали, как водой
В пустыне заблестит он.
Мы измеряли весь Узбой
Своим теодолитом.

Рисунки И. Калиты.

А помнишь ли колодец тот,
С которым рядом жили?
Солёным был кисель, компот,
Солёный чай варили.

И всё же не оторвать порой
Нас от питья такого.
Пуд соли съели мы с тобой
В буквальном смысле слова.

А помнишь, в подень, как вода,
Струялся пот, бычил?
Но слёз пустыни никогда
Из нас не выжимала.

В песках горячих в лютый зной
Мы шли и песни пели.
Пуд соли на двоих с собой
Мы, безусловно, съели.

Шарип АЛЬБЕРИЕВ

Московский мороз

Седой морозен, спят метели,
Белая земля,
Как будто поседела ели
И тополя.

Под ярким небом серебрится
Сухой снегок.
Как хороша моя столица
В такой денёк!

А говорят: в Москве мороз-то
Кусает зло.
Но я не знаю. Может, просто
Мне повезло.

Тепло, хоть под тридцатый градус
Упала ртуть.
Мой друг сказал мне: «Это радость
Согреть груды».

Живёт здесь Сталин. Это знает
Из нас любой.
И потому не оставляют
Сердца зимой».

Перевёл с кумынского
Д. САМОЙЛОВ

Валентин СИДОРОВ

Выпускница

Ближний или дальний подписан
маршрут.
Привычны приветствия слов.
И это значит прощай, институт,
И до свиданья, Москва.

В последний раз собрались у стола
Семьи студенчества славной.
Вчера еще Галея она была,
А завтра Галина Михайловна.

Вчера лишь по книгам ей был известен
Далёкий край даурский,
А завтра Даур — это место
Работы её и прописки.

Песня звучит знакомо и нежно
Напутствием тёплым в дорогу.
Грустно? Ещё бы! Грустно, конечно,
Но только немного.

И пусть слеза заблестела тут.
Не это, другое главное:
Весь мир перед нею. Счастливый путь,
Галина Михайловна!

НА БЛАГО НАРОДА

В одном из музеев Саратова хранится небольшая бронзовая скульптура. Изображает она старинный крестьянский воз, запряжённый парой упитанных коней. На блучке, сгорбившись, сидит возница. Рядом с возом стоит юноша с лицом, обрамлённым пшеницей. Во всей фигуре его энергичные порывы; видно, юноша покидает родной город, едет на учёне. Что ждёт его впереди? Упорный труд, благо угнетённого народа, затем картофель, склонность к смерти? Пусть всё будет так: юноша едет учиться, он смело смотрит в лицо своей судьбы...

Таблицка под скульптурой подтверждает: «Отъезд Чернышевского в университет».

Среди посетителей музея здесь часто остаиваются студенты Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Они подолгу рассматриваются с чистого света великого земляка, удивляются: ведь было такое время, когда на учёне нужно было ехать из Саратова за тысячу вёрст, в Петербург. Сейчас саратовцы привыкли видеть в центре города университетские корпуса, никого себе не могут и представить...

Университет! Это целый «город» в городе, и жители студенческого городка удивительно молоды. Но они знают, что только Октябрьская революция могла сделать «глупыш», Саратов одним из центров научной мысли, кузницей советских научных кадров.

Рано утром деревни в имене, словно белые икры, пробуждаются, и вскоре воротами по всем корпусам университета начнут стучаться несколько тысяч человек. Всё больше толпы юношей и девушек, хором здоровав, обгоняют степенных профессоров и доцентов с массивными портфелями в руках. Сейчас проезжают звонки, и целый отряд учёных — докторов, кандидатов наук, преподавателей — начнёт занятия с теми, о ком складывали великий эпос и учитель: «Кадры решают всё».

Кадры... Из полутора сотен кандидатов и докторов наук, работающих здесь, более половины окончили в свою время тот же Саратовский университет. Во всех городах Поволжья, и Дону и Уrale можно встретить и маstryх учёных и молодых специалистов, которых объединяет одно. На вопрос: «Где учились?» — они говорят: «Саратов, Государственный университет». Так отвечают, например, и профессор Московского энергетического института имени В. М. Молотова С. Г. Герасимов, и ректор Ростовского университета профессор С. Е. Беляевский, и многие, многие другие.

Саратовский университет не только обеспечивает другие учебные заведения научными силами. Опернившись «высокородными» из родного гнезда, ценные новые институты: медицинский, педагогический, юридический, экономический, сельскохозяйственный...

Уже тесно девятим факультетам университета в своих шести корпусах. Во времена лекции замечавшийся студент может увидеть в окошке мощные подъёмные кranы, которые тащат в своих вытянутых клювах кирпич и бетон. Это строятся новые здания научной библиотеки и учебный корпус для биологов. Заложены фундаменты ещё одного учебного корпуса, общежития и дома научных работников.

Жизнь бьёт ключом... В этих стенах нет пресловутой «чистой науки», учёные здесь неразрывно связаны с производством, возвращаются жизнью, самым строгим экзаменатором всего трудового коллектива профессоров и студентов. И, как это всегда бывает, сама жизнь подсказывает науке новые пути.

Студенты

У нас вечно шум за стеной,
Но мне ничего, я привык:
Сосед мой порою ночью
Зубрят иностранный язык.

Он громко твердит с выраженьем,
Отрыгисто и нараспех.
Сейчас он подходит к спряженьям,
Склонения преодолев.

Из форточки тянет весной,
В садах голосов перекли...
Но хмуро сосед за стеной
Зубрят иностранный язык.

Он резко по комнате ходит,
А то, подирица щеку,
Взломхватив причёску, возводит
В мученье глаза к потолку.

К утру с головою тяжёлой
Забудется сном, но и тут
Неправильные глаголы
Покоя ему не дают.

Он в жизни брал трудности с боем,
Он старый мой друг-фронтовик.
Я знаю: сосед за стеной
«Возьмёт» иностранный язык.

Рисунок Н. Калиты.

Группа студентов у здания Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Саратовские сланцы... Кто из производственников не ломал головы над проблемой комплексного использования сланцев в промышленности!.. Сланцы всегда были топливом, и только научно-исследовательский институт химии Саратовского университета занялся разрешением этой важной проблемы. Сложнейшая работа была проведена склонами молодых учёных университета. А там, где настойчивость и знания, там всегда обеспечено на победу. Сейчас трудно сказать, чья первоначально... этом, заслуга—этой идеей жили все,—но сланцы «покорены»... Химическое сырьё, смолы, газ и многое другое будут теперь добывать из сланцев, залежи которых на Саратовщине огромны.

К научной работе тяготится всё большее и большее число студентов. Наукой «захлебываются» чуть ли не целые семьи: так, известны в университете сёстры Бахаревы с факультета общей физики. Ирина, старшая из сестёр, уже заканчивает аспирантуру. Комсомолка, общественница, она много и хорошо работает в факультетском бюро комсомола. Млад-

шая сестра, Маргарита, по праву заняла её место в составе бюро. Отличница учёбы, она уже сейчас, на четвёртом курсе, думает над темой своей будущей диссертации.

Однако во время домашних занятий, отложив книгу в сторону, Ирина сказала сестре: «Как бы подирица щеку, Чернышевский нашemu университету!.. Ты помнишь его слово? Ирина быстро нашла среди книг одну, раскрытою на нужной странице.

— Послушай, что пишет Папину: «Пусть и Россия внесёт то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и внесёт в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно... и на другом великом поприще жизни — науке... Слушай дальше... Ирина читает с волнением... Какие слова! И да свершится через нас хоть частично это велическое событие: и тогда не даром проживём мы на свете; можем спокойно взглянуть на жизнь свою...» Она отложила книгу в сторону и медленно повторила:

— И да свершится через нас хоть частично это велическое событие...

Он всегда небрит и вечно занят.
Обращусь же к нему:
— Почему, — скажу, — ты не подтянешь.
А? — Спрощу его я, — Почему?

Может, углубившийся в науки,
Ты забыл всё, что учил в полку,
Почему засунул руки в брюки,
Галстук, почему твой набоку?

Помнишь, как, гордившийся тобою,
Говорил когда-то старшина:
«Нам, друзья, на целый век судьбою
Выправка походя дана!»

Что ж, неужто позабыл ты это
Утвержденье мудрое его.
Собранность — вечная примета
Граждан поколенья моего!

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО ОЛЕГА БЕГУЧЕВА

Студенты Саратовского государственного университета — частые посетители Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

«Отъезд Чернышевского в университет» — скульптура Н. С. Попова.

На подоконнике, возле одной из аудиторий физического факультета, сидят двое. У юноши привильное, сразу запоминающееся лицо — темнобородое, румяное с мороза. Он смотрит на свою собеседницу просительно, чуть склонив голову набок, забыв откинуть с невысокого лба каштановую прядку. В цвет этой прядки — щегловатый, под замшу, лыжный костюм, который, в свою очередь, выгодно оттеняет и белину лица и темные глаза.

Такой юноши несет мне самую трудную общественную нагрузку. Самую, самую трудную.

Пробка несколько необычна — необычна даже для такого «замысловатого» человека, как Олег Бегучев, который всегда любит чем-нибудь поражать своих товарищей. Люси настороживается:

— Что это ты вдруг стал таким хорошим? Опять кого-нибудь «космыничного» обозвал?

— Честное слово, Люси!

— Ну, «эмикробами» или «ползучим растением». Репертуар твой мы знаем... Он не нов и не оправдан...

Лицо Олега мгновенно меняется. Задне огоньки загораются в глазах, и он поспешно прикрывает их ресницами. Люсио счастье, что она девочка, а не парень. Иначе он отпусти бы кое-что из своего «репертуара». Но Олег сдерживается: ругаться тогда, когда он решил быть посредником, не его расчеты входят.

Брось, Люси, ко мне придираться! Пришел к тебе человек с чистым намерением получить нагрузку потруднее, — значит, надо к этому человеку прислушаться. Что я у тебя денег взаймы прошу?

Люси задумалась. В самом деле, не слишком ли они, члены комитета, придирчивы к своему однокурснику? Он вспыльчивый, но прямой, а уж если кого не уважает, так притворяться перед тем не станет. Это уже принципиальность.

— А почему ты сегодня не на лекции?

— Да так. У нас сегодня читает... — Он назвал фамилию одного преподавателя. — Не захватывает, понимаешь? — И тут Олег не удержался, чтобы не выразиться «в своем стиле».

— Олег! — укоризнено воскликнула Люси. — Ну неужели ты без этого не можешь? Что за удовольствие награждать людей осторожными кличками?

Абсолютно никакого. Привычка, которая съышь... Итак, что за нагрузкуложили на мои иммобиные плечи?

Юноша спрятал под пальцы и, лукаво улыбнувшись, раскинул на сейт напряженные руки. Это означало: не забудь, что я еще тренир по волейболу. Люси поморщилась: это напоминание при требованиях новой, «самой трудной» нагрузки хоть кому показалось бы весьма нескромным. Но такой уж был у Олега характер — набивать себе пено при каждом удачном случае.

— Ладно, — сказала Люси, — porque ты тебе одно весьма важное дело. Поехать в наш подшефное заводское общежитие и прочтеть там лекцию. — И она назвала тему. — Только имей в виду: без проверки конспекта не ездить!

— Прекрасно. Разрешен записать адресов

— Так же забудь, Олег, сначала показать конспект консультанту.

Олег не ответил. Насвистывая какую-то песенку, он уже сморгал мимо Люси в окно, за которым кружились снежники. Да, он умел так вот сразу отделяться от собеседника, если находил, что дальше продолжать разговор не о чём.

Люси Борисова встретила Олега только через неделю, потому что занимались они в разных группах.

— Ну, был у консультанта?

— Нет.

— А когда же думаешь поехать в общежитие?

— Завтра.

— А конспект?

— Показал.

Так было раза три. И вдруг однажды на докучливые люсины расспросы о конспекте Олег заявил, что лекцию он уже прочитал. Люси ахнула.

— А что такого? — обиделся Олег. — Поэтому я должен кому-то что-то показывать? Я не первокурсник и уж как-нибудь в этих вопросах разберусь.

Но тут обычно кроткая Люси рассердилась не на шутку. Не счищком ли много Олег о себе думает? Ведь не секрет, что по общественно-

политическим дисциплинам у него в голове порядочный сумбур. Это замечалось и на семинарах и на экзаменах. Птицей? Но ведь были и чётвёрки, тогда как по специальным дисциплинам он всегда получал устойчивые «пять».

— А сколько человек присутствовало на этой беседе?

Папкинок и Зайцев были?

Олея смеялись:

— Да потому, что это получилось... Я приехал к ним раз, другой, третий, а это далеко, ты знаешь. Ну вот... И все они работают в разных сменах, попробуй собери их! А потом я рассердился и провёл беседу в другой комната.

Люся оторвалась:

— Как в другой? Что это за «партизанщина»?

— И вообще, словно не заметая её возмущения, сказал Олег, — давай ты мне что-нибудь другое. Ездить к ним, ездить, а в результате один недрятник.

Но недрятники ещё только начинились. Завтра наконец у Олега конспект, члены комитета обиравали его в нём всякие несуразицы. Ребята начнулись на Люсю:

— Да так ты могла ему таков доверить? Неужели за четыре года не изучила? Говоришь, прося самое трудное? Да ведь это манёвр зазывайки. С тех пор, как мы присудили стипендию имени Ньютона, он и разговаривает с нами сквозь зубы.

Спор разгорелся по поводу именных стипендий. Интересно всё-таки, есть ли в Министерстве высшего образования какие-то определённые на сей счёт инструкции? Конечно, главной — студенческая учеба, научно-исследовательская работа. А сама личность студента — его общественное лицо — значение имеет? Если да, то выходит, что студент такой-то недостоин именной, почётной стипендии, должен учёный совет присыпаться к их мнению?

— Конечно, должен, — неуверенно сказала Аня Фомель — Только случай с Олегом особенный. Присуждали стипендию летом, когда все мы были в разъезде. Но в ректорате знали, что его научно-исследовательская работа признана лучшей, что он отличник, — чего же ещё? Формальные они правы. Да и профессора от Олега в восторге.

Но комсомольцы от Олега в восторге не были. Четыре года он занимал на курсе обобсленное положение, четыре года щедро раздавал товарищам и преподавателям обидные клички, наплевательски относился к порученным обязанностям. Острогов и эрудит, вначале он легко завладевал вниманием людей. Многим импонировала его кажущаяся привлекательность, за которой скрывалось самое обыкновенное высокомерие.

Его ничуть не заботило, обижается ли на него товарищи за менторский, безапелляционный тон, когда он сообщал им своё мнение о только что прочитанной книге или новом спектакле. Споры с ним искалечились, так как он терпеть не мог высказывать других.

Между тем на факультетском бюро комсомола поведение Олега вызывало серьёзную тревогу. За некоторыми комсомольцами стала замечаться так называемая «бегущечинка». Кто-то не выполнил порученного задания и на вопрос, как он мог допустить это, скажал сумбур, что «допуск к этому не требуется»; кто-то, приявшись на собрание, не стесняясь демонстративно раскрыл толстую книгу... Некоторые, узнав про псевдо-беседу Олега в общежитии, добродушно посмеивались: «А что с него вчера?»

Но комитет комсомола был другого мнения. Через полгода Олег получил диплом об окончании университета. Но куда бы Олег ни пришёл —

После занятий хорошо поиграться на лыжах.

в науку ли, на производство ли, — «бегущечину» там не примут. Да и имеют ли комсомольцы право отпускать его в новую жизнь со старыми грехами? До сих пор никто не мешал ему оставаться высокомерным, самовлюблённым человеком — ни учитель в школе, ни почтенный отец-профессор, ни товарищи по группе. Школьником он плохо учился, хулиганил, целины пропадал на улице. Университетский этап жизни Олега был характерен уже другим. Оставаясь высокомерным и преисполненным, он стал отличником-студентом, и это успокоило его товарищей. Характер — дело десятое, главное — учёба. Так поверхностно отнеслись комсомольцы физического факультета к понятию о том, каким должен быть советский студент.

Вспомнились слова одного уважаемого профессора, который в разговоре со Олегом сказал: «Бегущий — это чисто однобокий: что ему поручили, он сделает, а с коллективом работать не будет». А ведь первое деловое качество советского специалиста — быть хорошим организатором. Можно ли доверить Олегу производство, людей, коллектива? Кстати, верит ли он людям сам, открывает ли себя другим?

Кто-то растерялся переспросил:

— Другой? А он у него есть, друг?

— Конечно. Всё он дружит с тобою, Марк?

Марк неопределённо покачал плечами. Кто-то из девушки сказал:

— А я видела его несколько раз с Лёней Хадрасом.

Нет, у Леонида есть другая товарищ. Чаше всего Олег бывает с Алексеевым.

Комсомольцы не только посматривали друг на друга, боясь признаться самим себе, что, может быть, это не единственно знают они и остальных своих товарищах по курсу, по группе... Так возникла повестка дня очередного комсомольского собрания. В ней ничего не упоминалось об Олеге Бегущеве. Просто в объявлении было указано, что такого-то числа назначается комсомольское собрание по теме: «Комсомольская работа не терпит равнодушия». Но Олегу такое собрание не обещало «особых эмоций». Он презрительно поморщился и, даже не предупредив комсорга Юрия Ирхина, сразу после лекций ушёл в читальный зал. Это пренебрежение возмущало даже самых терпеливых.

Собрание было бурным. Все говорили горячо, о душе, приводили примеры высокой принципиальности в дружбе

великих людей, и, должно быть, именно это заставило Юру Алексеева выступить по поводу Олега без всяких склонов на дружбу.

— Его исправил только строгий выговор! — резко сказал Юра. — Уж поверьте мне: я это знаю!

Предложение Алексеева рассмотреть этот вопрос на комитете поддержали и остальные.

— Ты, Юрий, молодец, — сказал Алексеев после собрания однокурсников Гаркун. — Истинный друг так и должен был поступить. Надеюсь, ты искренне желал, чтобы Олег исправился. Не такой уж он отныне, чтобы мы все не верили в это исправление. А чтоб совесть не мучила, напомню тебе одну хорошую русскую пословицу: «Друг спорит — ведут поддакивают».

Но принципиальности Алексеева хватило недолго. Уже на другой день, когда разузанялся оба вёсна, Олег подошёл к нему и спросил: «Кто всё это сочинял?» — Юрий промчал что-то невразумительное. Выговор, может, ещё и не слышил, а с Олегом шутки плохи.

— Подожди, может, еще комитет не утвердит, — только и нашёлся что сказать Олегу Алексеев.

Ох, как не хотелось ему идти на это заседание комитета! И хотят он пошёл, язык его отказался повторить в присутствии Олега вёсна, что он говорил на комсомольском собрании. Олег глядел на него со своей обычной умешкой.

Внимательно мотая головой, Алексеев и Гаркун и пять других товарищей, которые сидели за столом Юры на комсомольском собрании. Разбирали дело Олега Бегчеву, они думали, и о судьбе другого молодого специалиста. Разные люди, оба они вызывали у них законную тревогу: Бегчев — высокомер, Алексеев — пристрастен. Но вот Олег опустил глаза и, подперев голову ладонью, задумался. Может быть, о том, что лёгкая дружба с Юрием устраивала его до беды, что теперь он испытывает от всего этого разочарование и нестерпимую жажду откровенности, которую довершил не всякому... Вокруг сидели тоже друзья, друзья взыскательные, суровые в своей критике, но душевные в своём отношении к Бегчеву. Но Олег этого не замечал. Ясно было только одно: его уличают, его хотят наказать, а раз так, то он из всех вообще знать не хочет... Олег небрежно откинулся на спинку стула. Это означало: «Можете выносить хоть десять «строгачей» — меня это не трогает».

И когда строгий выговор за высокомерие и пренебрежительное отношение к товарищам был вынесен, Гаркун предложил поставить вопрос перед учёными, чтобы университет принял решение Бегчеву почётной степени имени Нестора. Предложение это принял единогласно.

Олег покраснел. Это было уже лишение чести молодого учёного. Рушились мечты об аспирантуре: разве теперь примут? Знали ли об этом его товарищи? Да, знали. И часом позже Люся Борисова говорила ему:

— Всё зависит только от тебя. Есть ещё время исправиться. Доказжи, что ты можешь быть другим. Мы виноваты тоже: слишком долго прощали.

— Да, — согласился Олег. — У меня это ещё со школы...

Потом к нему подошёл комиссар Юра Ирхин. Сутуловатый и застенчивый, он долго не знал, с чего начать разговор, и молчаливым взглядом побеждал Олегу в случае чего быть рядом.

Вскоре комсомольцы выпустили специальный «Боевой листок», где на шести колонках разబралось поведение Олега. Досталось и Юрию Алексееву, который не нашёл в себе мужества открыто сказать другу о его недостатках. Газета висела неделю, и не было дня, чтобы около неё не собирались студенты даже с других факультетов. Имя Бегчева стало нарицательным.

А Олег? Ему было стыдно, может быть, тоже впервые в жизни. Он притих, хотя и никого не оторонился. Не чуралась его и однокурсники. Наступило горячее время выборов тем для дипломных работ. Эти последние месяцы пребывания в университете как-то особенно сближали студентов. Они полюбили задерживаться в лабораториях — здесь, возле приборов, где душе не членялось о будущем.

А ты, Олег, тема для дипломной работы уже выбрал? — спросил один Бегчев Юра Ирхин.

Тема-то наметилась, в посоветоваться не мешало бы. Думают же всё-таки продолжить свою мысль, которую я развивал в работе по кафтанной механике. В крайнем случае это пригодится и для производства...

Последнюю фразу Олег сказал с горькой ironией, и Юра, удивив её, насторожился.

— Почему в «кафтах»? Во-первых, ты можешь попасть и в аспирантуру; во-вторых, я, например, стою за производство, при чём тут «кафтаный случай»? Знаешь, какая это замечательная школа для учёного!

— Знаю, — оборвал Олег, видимо, не желая сводить разговор на нечто приятное для него тему.

Разговаривая, они прошли мимо гардеробной, где, стражи снег, шумно раздавались девушки из второй смены. Массивная дверь, словно жалуясь, что ей слишком часто тревожат, проскрипив, выпустила юношей на улицу. Тихий густой снег всё падал и падал.

Воздушные, как балерны в пачках, стояли в сквере деревья. Казалось, налетает сейчас с белой Волги ветер-дирижёр, взмахнет холодной палочкой — и пойдут кружиться в танце неподобные кусты, недотроги-лины, мохнатые, в садах в серебряных тополях.

— Люблю я Саратов! — проплывал вдруг Юра Ирхин. — Волгу люблю, сады, наши университеты... Знаешь, сколько здесь, в городе, нашего брата учится? Если и техникумы считать, — около сорока пяти тысяч

— А я... — начал Олег и вдруг остановился.

Что-то ещё мешало ему говорить про обыкновенные человеческие чувства, хотя бы о любви к городу. Будь с ним сейчас не Юра Ирхин, а, скажем, тот же Алексеев, Олег, может, захотел бы блеснуть перед всем красноречием или скорей всего как-нибудь подтрунить над чув-

ством друга. Он мог бы назвать этот маленький красный трамвайчик «бомжкой коровкой», и Алексеев, наверное, увидев, рассмеялся бы над этим сравнением. И тогда Олег стал бы называть свой город «провинцией» и высматривать смешное, которое можно найти даже в столичных городах.

— Так что, забыл что-нибудь? — удивился Юра, заметив, что Олег как-то притянул сяди. — Или в библиотеку?

Олег неопределённо покалал плечами.

Лицо у него словно было тревожное, недоверчивое. «Даже не попрошу... с обидой думал Юра, шагая по улице, — все виноваты, щечи...»

На повороте Астраханской он обернулся. Олег не спеша шёл по его следу.

Аспирант-археолог Евгений Максимов с находками, собранными экспедицией в курганах на дне будущего Сталинградского моря.

Пока не пришло море

Молодой человек лет двадцати шести, с редкими волосами на голове, которые «подглядывают» удивительной чистоты серые глаза, поднял руку.

Евгений Максимов, историк с уклоном в археологию.

Он взглянул на свою ладонь и наклонил её к лицу, чтобы увидеть, какая она, не разговаривая, внимательно и чутко ли не благовестно смотрит на него. И это, конечно, многие тысячи лет. Евгений Константинович, или, как называли его в Саратовском университете и здесь, в областном краеведческом музее, Жени, только сейчас дергал в руках кисть, чтобы помочь меч и ножиан для старой эпохи бронзы.

Признаем лягушек, как и в предыдущие годы, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского организует археологическую экспедицию на будущее дно Сталинградского моря, который находится в пределах Саратовской области. Эти экспедиции с участием опытных археологов, аспирантов и студентов исторического факультета изыскивали на дне курганов древних захоронений.

Будущим летом саратовские археологи снова будут работать в районах раскопок. Аспирант Евгений Максимов тоже поедет, чтобы заняться своим диссертацией. Издательство «Советская Россия» предложило ему для оглавления: «Сарматские племена на Нижнем Поволжье».

«Сестрички-физики» — так ласково зовут в университете сестёр Бахаревых, Ирину и Маргариту.

Вечерами — единственное время, когда девушки вместе, — они говорят о своей будущей работе, о труде на благо Родины, о науке, которая неразрывно связана с жизнью страны. В эти часы они многое занимаются: Ирина пишет свою диссертацию, а Рита готовится к теоретической конференции по книге И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

После нескольких часов учёбной работы можно сделать перерыв, отдохнуть.

— Что мы сегодня сыграем? — спрашивает Ирина, садясь рядом с сестрой за рояль. Перелистывая ноты, она улыбается. — Ты знаешь, Рита, в университете шутят, что мы с физикой занимаемся в четыре руки...

Сёстры начинают играть — обо всём, что случается в эту минуту. И главное, что слышится в их музыке, — это счастье.

Г. БОРОВИКОВ

Справки и телеграммы РАИ ПАНКРАТОВОЙ

Когда Раи Панкратова получила телеграмму о тяжёлой болезни отца, её соседки по комнате серьёзно встревожились:

— Езжай скорее да сразу напиши нам, как он там! Старый человек, ты уж будь понимающейней!

Да нет, он не очень старый, — печально отвечала Раи. — А вот всё болеет и болеет, даже врачи не знают, что с ним делать...

Собираясь подругу в дорогу, девушки готовились к отъезду и сами. Ещё зимой было решено первые дни весенних каникул провести на подшефной Екатериновской лесосортной станции.

— Опять без Раи пошли, — горевали девушки, — на Фёдоровскую лесосортную станцию тоже не were сидели.

Что же поделаешь? — ответила Вера Фоминова. — Это с кем угодно может случиться...

— Конечно, причинауважительная... Отец болен...

— Хорошо, что хоть экзамены успела сдать, — говорили ей на прощанье подруги. — А стипендию твою мы сейчас же выплатим.

Сделано было всё, чтобы Раи не задержалась. И вот она, подавленная заботами о любимом отце, села наконец в поезд, идущий на Кирсанов. А на душе у подруг было неспокойно. Они чувствовали, что Раи Панкратовой не совсем хорошо. Дело в том, что за день до отъезда пришло письмо из Кирсанова, которое девушка так ей и не прочитала. Ведь в письме могло быть самое плохое известие. Как перенесёт его Раи, сможет ли она в таком состоянии тронуться в путь? Тем более, что билет у неё уже в кармане.

Письмо от Раи спрятали и стали думать, как быть. Одни говорили, что письмо надо ей отдать. Другие не соглашались с этим и доказывали своё: пусть Раи узнает обо всём на месте. Легко ли

в поезде, среди незнакомых людей, перевозить большое горе! Так она и уехала, не узнав, о чём пишут из дома. И это очень беспокоило подруг.

И вдруг кому-то пришла в голову мысль прочитать это письмо. Если с отцом всё благополучно, извиниться потом перед Раей. Если что-нибудь случилось, немедленно послать ей телеграмму, ободрить хоть словом, если есть в этом возможность, а можно высказать ей самую трогательную заботу.

Последнее решение показалось всем правильным.

Письмо было вскрыто и прочитано вслух. После чтения девушки растрелянно переглянулись.

— Не может быть! — сказала Тоня Курикова и, взяв письмо, стала читать сама.

После второго чтения девушки запнулись:

— Это же обман!
— Какая подłość!
— Так вот почему она за неделю до телеграммы поговаривала, что отец её прихырявает! Этого так оставлять нельзя!

Письмо ходило по рукам, его перечитывали вновь и вновь. Не верилось, не хотело верить в то, о чём было в нём написано.

Автором письма оказался сам отец Раи, работник кирсановской фабрики Родион Панкратов. Он был здоровыхонек, «болен» была придумана родителями по просьбе дочери «Телеграмму, которую ты просила», — посыпал, как и прежде, — сообщила Рае отец.

Дальше он делился с дочкой своими переживаниями:

— «Имей в виду, что заверять телеграммы у врачей и доставать справки становятся всё труднее. Но ты пиши, какие тебе нужны справки, и я вышлю».

И это писала отец, член партии, писал своей дочери, комсомолке!

— А ещё была когда-то преподавате-

лем! — гневно вырвалось у одной. — Представляю, как он воспитывал молодёжь!

— Да это по дочке видно! Ну и актриса!

Возмущение разинами поступком росло с каждой минутой. Вспомнили и другие её ошибки. Всё, чему раньше не придавалось значения, теперь приобрело большой общественный смысл.

Оправдать Рае было нечем.

Остальные соседки по комнате встретили Раю хлопком. Но одна эта одна осталась не огорчена. Не обзывающая дружину, с тем, с кем жилёшь в одной комнате! Есть другие однокурсники. Но и другие товарицы по Саратовскому университету отнеслись к Рае уже недоверчиво. Кто знает, на какой ещё обман способна эта тихая, совсем как будто не хитрая девушка! А Раи? Сначала она всё отрицала, потом сознавалась. Вопрос о её поступке обсуждался на комсомольской собрании механико-математического факультета, затем в комитете комсомола университета.

Поступок Раи Панкратовой вызвал множество споров.

Многие говорили, что она заслуживает исключения из комсомола, другие видели во всём вину комсомольской организаций, которая недостаточно знает каждого комсомольца, его помыслы, характер. Раи учился в университете третий год. А много ли сделала комсомольская организация для того, чтобы вытравить из сознания комсомолки Панкратовой антиобщественные черты, привитые ей в семье? Что делают комсомольцы университета, чтобы не было среди них сбывающихся вроде Раи Панкратовой? Обо всём этом говорили на собраниях и после него. В общем, было немало курсов таких, которые оставались бы равнодушными к этой истории. Она научила сестёр, что в жизни каждого человека есть моменты, когда всё напоминает им о том, что колlettiv должен внимательнее относиться к каждому человеку, во времена предсторегать его от ошибок, а если нужно, подвергнуть самой резкой критике.

Девушка из университета

Преподаватель, видимо, по давно укоренившейся привычке, а может быть, и для того, чтобы студенты легче запоминали его слова, под конец лекции между фразами делил большие паузы, прохаживался, потирая ладони о ладони.

В эти промежутки в аудитории будущих химиков звучала звонница тишина. Студентка второго курса Наташа Алакина даже слышала скрежет своего карандаша о бумаге — так было тихо.

Звонок. К ней подошла её подруга, спросила:

— Домой идёшь вместе? — И, не дожидаясь ответа, махнула рукой, проговорив: — А впрочем, ты, наверно, опять в спортуклуб.

Три года подряд первенство Саратова по метанию диска держала Крайнова, студентка АвтоЛорожного института. На четвёртое лето этого рекорд был неожиданнобит десятиклассницей первой женской школы Наташей Алакиной.

Это случилось на юношеских соревнованиях в Клиниках, Брянской области. Тогда Наташа заняла второе место по диску в Российской Федерации.

После этих соревнований, будучи уже студенткой Саратовского университета, Алакина побывала в Москве.

Здесь, на стадионе «Сталинец», Наташа метнула диск на три метра дальше своего рекорда.

...Традиционный спортивный праздник студентов Саратовского университета был в полном разгаре.

Возбуждённый диктор комментировал выступления студентов:

— Сейчас, товарищи зрители, вы видите перед собой рекордсменом нашего гордости — студентку химического факультета, самокоммюнистку Наташу Алакину. Сегодня Наташа решала не открыть свой первый результат. А результат этот — 38 метров 19 сантиметров. Попробуйте запомнить: 19 сантиметров. Итак, начинается побитие рекорда!

Наташа показала пальцами, подумала: «Словото какое чуднёе — побитие...»

Чтобы добиться цели, дискометралет имел право на три попытки, то есть три разаметнуть снаряд.

Флажок алея в 38 метрах от круга, в котором стояла Наташа. Она тронула пальцами знакомые точки края диска.

Студентка встала спиной к полётам снаряда — прём Нины Думбладзе, — повторят, другой — и ладонь уже пуста. Снаряд опускал кривую и мягко шлёпалася, не достичиши фланжка. Гул на трибунах, смех мальчишек.

— Не мешайте работать! — строго произнёс диктор. Алакина сделала великолепную разминку. Себя рекорд будет побить.

Наташа весело улыбнулась на рецензию диктора. Очень дороги были ей сейчас слова одобрения.

Вот так же две попытки, тот же бросок, та же кривизна, прочерченная снарядом, но только всё это значительнее быстрее, чётче, уверенней — и диск прошёл над фланжком.

Аплодисменты заглушили голос диктора. Наташа только сумела разобрать: «...рекорд побит... за фланжком... на 1 метр: 19 сантиметров...»

Радость победы — как хороша она! На душе тепло и светло.

Вот так же чувствует себя Наташа, когда в университете сдёт зачётки на «пять». И при

чём же тут сантиметры? Будь их 18 или 16, — разве от этого уменьшится радость?

Через несколько дней, вернувшись из командировки тренера Скрипальёв похвалил Наташу за успех:

— Я говорю, что смокены! — И спросил: — А как учёба в университете?

— Экзамены сданы на «отлично», Пётр Николаевич.

— Ну? — удивился тренер. — Вот молодец!

Так держи. Диск тоже не забывай, у тебя ещё есть reserves. Но помни: для советского молодого человека спорт не самоцель. Главное — учёба, так сказать, общее развитие.

Скрипальёв внимательно посмотрел на свою воспитанницу. Высокая, сильная девушка, глаза серые, взгляд прямой. Рекордсмен города. Тренер улыбнулся, вспомнил, какой «сырой» и виляющей принесла она к нему, как раздавалась, метнув диск всего лишь на 18 метров. Но тренер верил в неё иоказал ей прав.

— Наташа! — спросил он, — сегодня тренироваться будешь?

Алакина согласно кивнула головой.

Смирно! — предупредил тренер, — а то, может, устала после доклада?

Наташа в упор посмотрела на Скрипальёва и покраснела. Откуда он знает о её не совсем удачном докладе «Романтизм в русской живописи», который она читала товарищам-студентам в музее Радищева?

Скрипальёв, человек большой внутренней культуры, чуткий и внимательный, наставший воспитателя, радовался, что его ученица так всесторонне развита: отличная студентка, неплохой спортсмен, хорошо разбирается и в живописи и в музыке.

По странной ассоциации Пётр Николаевич вспомнил, как ещё маленьким он в газете видел карикатуру: молодой парень скрёстил руки на могучей груди, как бы стараясь шире расправить плечи, над плечами высилась маленькая головка и глаза-подводки. Потом рисунок было четверостишие, высмеивающее спорта, который, кроме спорта, ничего не знает и знает не хочет. «Эта», — подумал он о Наташе, — такой же не будет.

— Готова? Начнём, — сказал тренер. — Помни: во время броска тело человека — это стальная пружина. Поворот, второй, сожмися до предела и выпрыгнися с быстрой сотряской стапи. Пробуй!

Наташа метала снаряд раз двадцать, пока услышала скрипку:

— Ничего. А теперь попробуем отработать «хлыст».

«Хлыст» — так называется особый поворот ладони, когда диск ускользает из руки в воздух. Это последнее напутствие спаршуды, от которого часто зависит успех. Говорят, Наташа Думбладзе нашла ей то, что новое в повторении руки. Это и помогло ей побить мировой рекорд.

Так, настойчиво тренируясь с диском летом на стадионе, а зимой в тесном спортивном клубе университета, Наташа воспитала в себе волю к победе. К победе над собой.

Она уже два раза улучшила свои прежние рекорды.

В третий раз диск улетел дальше обычного. Скрипальёв метром измерил расстояние и с удовольствием сказал:

— Новый успех — 39 метров 18 сантиметров! Да, Наташа... В спорте важны и секунды и сантиметры. Но плохо, если человек живёт только ради них...

Наташа задумалась. Тренер прав. То же говорят им на занятиях и Кира Николаевна Павлова, преподаватель кафедры физкультуры химического факультета.

ЛЮБИМЫЙ ПРОФЕССОР

В свой время у профессора общей физики доктора физико-математических наук Петра Васильевича Голубкова в Саратовском университете тоже были любимицы профессора. С таким же нетерпением он дожидался их лекций, волновался на экзаменах, боясь огорчить профессора неточностью своих ответов...

...Обычный коридор учебного корпуса. Чёрные таблицы на высоких белых дверях скучно рассказывают физикам-первокурсникам о том, в каких лабораториях придётся им со временем заниматься, какие есть на факультете кафедры. А вот и аудитория, где стоят только чёрные столы со стульями. Здесь по расписанию сегодня первая лекция по общей физике.

Вот произвёл звонок, и в аудитории с приветливой улыбкой вошёл высокий худощавый человек. Профессор... Но лицо не давних школьников, а профессор разочарование. Нет у профессора ни пышной груди, ни широких щёек, ни дородной осанки, ни властного, сразу требующего внимания голоса.

Профессор вошёл не один. Следом за ним студенты старших курсов вялото стоят с различными приборами. При этом взгляд, брошенный помощниками на притихших первокурсникам, как бы говорил: «А вы, зелёные, небось, для лекции только промокашки приготовили? Промокашки и в самом деле не понадобились». Профессор говорил о том, что запомнилось с первого слова до последнего, а главное, каждый свой довод сопровождал коротким опытом. Запомнил рассказанные поломгами сама приборы.

В первенство первокурсников уже с нетерпением ждали второго часа лекции. Кто-то слёбает, кто-то с интересом смотрит в зале. Пётр Васильевич будет читать им её.

Профессор Голубков не только блестящий лектор. Он знает интересы молодёжи, в гогречую душу. Каждую свою лекцию он строит так, чтобы студенты слушали её, не скучая.

— Дерзай! — требует он от своих учеников. — Не довольствуйтесь последними открытиями, ищите новые проблемы, разрешайте их.

Получили «тройку» у Петра Васильевича — события чрезвычайные.

— Не знать его предмет просто невозможно, — говорят сами студенты. — Если запомнил суть, то это, как пустоводья нить, уку не собьешься.

Есть у Петра Васильевича Голубкова ёщё одна интересная черта, гордо любимая всеми его учениками: он строит свою жизнь на науку. Зойдя не словами, а в сущности приводя свой жизненный опыт, он делает из университета университетский H2O, и каждый из членов этого общества считает делом чести прежде всего рассказать о своих научно-исследовательских замыслах Петру Васильевичу. Он не только внимательно выслушает, но и даёт ценный совет, чтобы эта работа не помирилась в воздухе, а в случае удачи была использована и произведена. Сам он тоже занимается разрешением одной важной проблемы.

Петр Васильевич руководит научным коллективом в 26 человек. Это доценты, ассистенты кафедры и научные сотрудники отделения научно-исследовательского института. Среди учеников Петра Васильевича два доктора физики кафедр. Многие учёные-физики уже расстались с Саратовским университетом и ведут самостоятельную научную работу в разных уголках страны. Иногда они напоминают о себе профессору тёплыми письмами. И хотя на них стоит адрес: «Петру Васильевичу Голубкову», за этим именем невольно пропадают старшему другу.

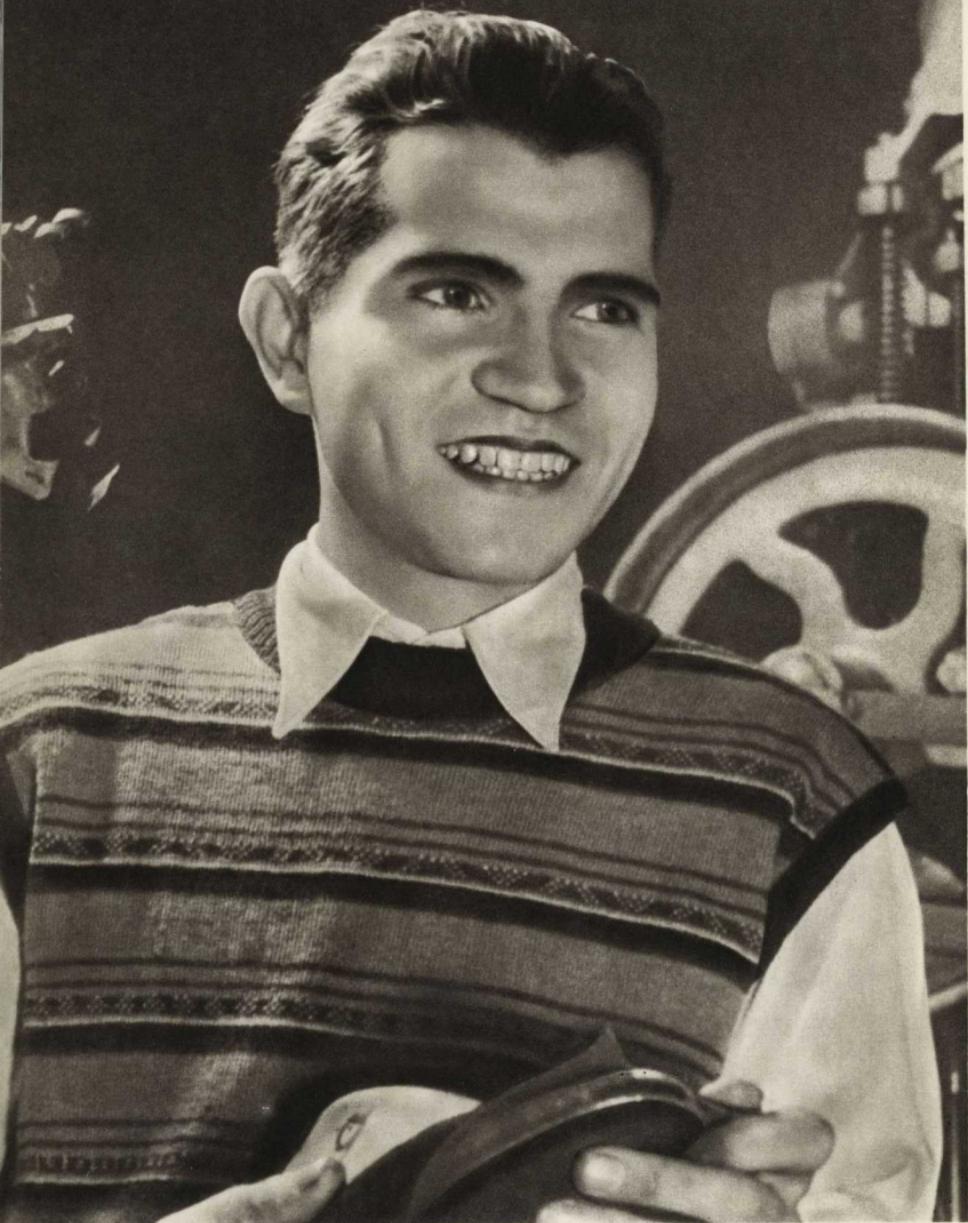
Л. БЫКОВА

С. КУЛИКОВ

Профессор Пётр Васильевич Голубнов с аспирантами Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Фото Г. Борисова

Лауреат Сталинской премии Григорий Муханов, инициатор соревнования за снижение себестоимости на московской обувной фабрике «Буревестник».

ФОТО А. БОКАЛОВА

СЕВКА, САВКА и РОМКА

ИЗ РАССКАЗОВ,
ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС
ЖУРНАЛА «СМЕНА»

1

Сержант Родинов уезжал из города и сдавал свой участок старшине Лебединцеву, недавно демобилизованному из армии и поступившему на работу в милицию. Поезд уходил в час ночи, надо было еще собрать вещи, попрощаться с товарищами и хозяевами квартир, но, как на зло, Лебединцев останавливается около каждого дома, доложил беседу с жильцами.

Сержант переминался с ноги на ногу, поглядывая то на смуглое от загара лицо Лебединцева, то на рунические часы, циферблат которых свечился в сумерках.

Лебединцев вопросительно взглянул на сержанта:

— Товарищ курсант?
— Домой! — неуверенно ответил сержант.
— Ну, раз все осмотрели...

— Одно домовладение осталось. Километра два туда, немощёной дорогой. Вы бы завтра ходили...

— Даю как положено, — нахмурился Лебединцев. — Ты сдал, я принял.

Сержант с сожалением взглянул на тщательно начищенные сапоги и шагнул вперед. Грязь захлопала под ногами. Ветер дул прямо в лицо.

— Раньше улица здесь была, в вонючий спальни... — сказал сержант, остановившись закурить у забора с навесом.

— И где же строят? Парк запроектирован. Только какой же тут парк! Сам видите, деревьев не поддергивает, не то что дерево.

Дальние шагали молча. Редкие фонари освещали лужи и бесконечный дощатый забор.

Впереди мельнула высокая тень.

— Сержант? — окликнул хрюпливый голос.

— Ой самий...

— На ловца и зверя бежит, — сказал человек, окликнувший Родинова. — Происшествие...

— Буду добр, старшине докладывай, Дмитрий Павлович.

— Старшине? — блазирюко шуркнул, пересорился говоривший. — Будем знакомы — упрашлив Карагинец. Происшествие произошло...

У Рыбакова стекло в окне выбило. И уговорив: заявим завтра утром. А он не звонит. Годы, когда представители власти не прибудут, никаких мер не примут. Пусть это будет на пользу зальят...

— Кто разбил? — нахмурился Лебединцев.

— Муромцева — Сева с Санкой.

Старшина зашагал вслед за управдомом к высокому зданию с ярко освещенными окнами, высунувшимся за поворотом пустынной улицы.

Комната Рыбакова представляла собой странное зрелище. В разбитое окно врывались водяные потоки. Они образовали на полу лужу. Ветер расширял ее, что мог. Придавленная лампой скатерть полоскалась по ветру, как парус, сорванный с мачты.

— Смотрите! — проговорил хозяин.

Рисунки Б. Шатилова

Рыбаков, человек лет пятидесяти, сидел в глубоком кресле. Он был в визионном джемпере, а ноги закутал шерстяным пледом.

— Я, товарищ сержант, предвидел это событие...

Рыбаков сделал движение, будто хотел приподняться с кресла, но не поднялся, потому что на колени спал огромный лепельно-серый кот.

— Ты к старшине обращайтесь, товарищ Рыбаков. Он теперь участниками.

На этот раз Рыбаков счел необходимым встать. Кот скользнув под колени на пол.

Петр Варсонофьевич Рыбаков, — представился хозяин квартиры, — местный житель и начальник городского парка. Будучи человеком откровенным, прямо заявляю: смене руководства рад. Сердцем твердости не пропадая, а твердость, она основа.

Рыбаков поселился в Степном три года назад и с тех пор все methodal перебраться в краевую город, где он жил раньше, а может быть, даже в столице. Лицо у Рыбакова полное, с тугоими, тщательно выбритыми щеками. Маленький подбородок прикрывает редкую растительность.

В краевом городе Рыбаков заведовал парком культуры и отдыха и был отгульным местом, как он говорил, за то, что со всей твердостью болтал в «Беспринцерии». Потом, когда же другим сведениям, дошедшим в Степное окольными путями, стало известно, что эта должности после того, как он прибыл в запущенное паройной детской городок.

В Степном Рыбакову не понравилось с первой минуты. Парк только назывался парком. Ни ресторанов, ни кинос, ни гулиющих. Старики деревьев совсем нет; прутники молодых посадок среди лета трещепут жалеющими листьями.

Каждый год в конце июня на город налетает суховей. Из степи прибаутаются сотни сурок и роют норы среди битого кирпича. Когда кажется, что самое трудное позади: ветры перестали дуть, суроки присмирели, — обнаруживается, что кто-то оторвал нескользким досок и через пролом в заборе ворвались козы.

В глубине души Петр Варсонофьевич уверен, что из парковых посадок исчезнут деревья. Когда на заседании горсовета Илья Фаддеевич Муромцев, человек горячий и увлекающийся, в десятый раз повторял, что дело не в климате, надо только руки приложить, ведь не из-за климата козы потравили дурачко азлек, Рыбаков покидал заседание. Илью Фаддеевича он не любит. Да и вообще он недолюбливает людей излишне горячих и сующихся не в свой долю...

...Старшина обёрт глазами полутёплую комнату.

— Всё человек новый. Разрешите, я вас ознакомлю с делом, — проговорил Рыбаков и взял со стола ученическую тетрадь. Откашливаясь, он, отчёльно выговаривая каждое слово, прочитал: «3 апреля. Проникновение Муромцева в парк. 5 апреля. Проникновение в парк и стрельба из рогатки. 12 апреля. Уничтожен голубь-турман, собственность жильца Готовцева».

— Ну, что уж вы, Пётр Варсонофьевич... — неуверенно перебил его упрашивавший.

— Что Пётр Варсонофьевич? Сорок пять лет Пётр Варсонофьевич, а в клевете не обвинялся. Были обвинители, да на чём приехали, на том обратно укатили...

Рыбаков склонил голову и гневно смотрел на упрашивавшего. Ждал, не вызовут ли его новые возражения. Но сержант пристально смотрел в потолок, а управдом прерывисто дышал, потирая ладонью лоб.

Если это можно, продолжал! — проговорил Рыбаков, снимая и вновь надевая очки: «3 мая. Савелий и Всеволод Муромцевы проникли в парк. 7 мая. Инцидент с дочерью нашей Мариной Рыбаковой: дёргание косынки. 9 июня. Проникновение на территорию парка и рвать земли около дубков. 15 июня. Снова проникновение и рвать».

— Клад они, что ли, ищут? — спросил старшина, когда четвёртый замолчал, чтобы перевести дух.

— Может, и клад... Безотцовщина — всего надо ожидать. Да вы вызовите нарушителей и сами допросите, как положено.

Рыбаков закрыл тетрадку. Все молчали. Старшина, видимо, не испытывал никакого неудобства от затянувшейся паузы.

— Вызвать?... Нарушитель то есть? — спросил наконец управдом.

— Мальчики? — не сразу отозвался старшина. — Позовите, если недалеко живут.

2

Квартира Ильи Фаддеевича Муромцева в том же подъезде, этажом выше.

Надо сказать, что квартира эта, ещё недавно совсем необжитая, за последние годы неизменно переменилась. Тенер она представляет собой необычное смешение музея, школьного класса и детской восточки, расположенного в глазах карты области. Синия лента Балтии пронесётся их чуть наискосок, с севера-запада на юго-восток, растекаясь ближе к морю десятками протоков. Длинные тонкие линии, вырастающие с юго-востока, показывают направление господствующих ветров. Приданные жарким ветрам воздушным потоком, островки древесных посадок жмутся к поймам рек, селам и станицам.

На подоконнике, специальных стеллажах и на полу стоят глиняные шатровые горшки, где высажены молодые дубки. Чтобы дать растению место, письменный стол тёмного дерева отодвинут к середине комнаты. Остальное пространство занимает книжный шкаф, двинут так называемый «Романтик угол» с игрушками, трёхъярусным велосипедом, детской кроваткой.

Окрашенная белой краской дверь ведёт в соседнюю комнату — влагодене Саввы и Савки...

Комната тоже отражает жизненные интересы владельца. С юношеских лет Илья Фаддеевич любил географию, ботанику и неутомимый краевед. После окончания Московского университета он вернулся в родной город и продолжал те преподавать географию в школе. Вони он пробыл на фронте — инструктором полигонета некоей дивизии. Демобилизовавшись, временно, до восстановления школы, Муромцев пошёл работать заместителем директора краеведческого музея, да так здесь и остался.

Работа в музее привлекла Илью Фаддеевича прежде всего тем, что позволяла бродить по областям, составлять и пополнять коллекции; это была мечта, не оставлявшая его со студенческих времён.

Первое время Муромцев чувствовал себя счастливым на новой работе. Но это продолжалось недолго. Как-то неожиданно Илья Фаддеевич заметил пустоту письменного стола, где больше не лежали стопки ученических тетрадей, тягостную незаполненность своей жизни и после долгих размышлений о том, не стал ли он, чтобы воспитать и вывести в люди сына, подал в Сталинградский детский дом заявление о желании усыновить ребёнка. Через две недели он получил ответ и выехал в Сталинград.

Оформив документы, заведующая предупредила Муромцева:

— Сын ребятам трудны. Четырёх лет осталась без родных в разном возрасте, долго болел, умирая от дистрофии. Это наложило отпечаток на его характер — гордый, обидчивый, дерзкий, но в основе своей благородный.

— У меня тоже характер в основе своей трудный, — не задумываясь, ответил Илья Фаддеевич. — Как-нибудь столкнемся. И потом, если двадцать лет поработаешь учителем, можешь наконец понять, что трудных ребят не бывает, а бывают трудные обстоятельства жизни. Можно это понять?..

— Можно.

— Вот и я думаю, что можно...

Они прожили вдвоём с Севой почти год, и этот год был, вероятно, самым счастливым в жизни Ильи Фаддеевича. Во время поездок по области Илья Фаддеевич нашёл и описал разновидность дуба, отличающуюся особой жизнестойкостью. Дуб этот был назван «Степной солончаковый».

Около парка, среди развалин взорванного гитлеровцами кирпичного завода, Муромцев расчистил небольшой участок, где высаживала деревья различных пород. В семье Муромцевых участок этот получила наименование «Дубовый огород», так как большую его часть занимал «Степной солончаковый» и другие дубы.

Поздней осенью, за месяц до годовщины усыновления Савы, Илья Фаддеевич получил короткое письмо из детского дома с предложением возможно скорее приехать для переговоров по очень важному — эти слова были дважды подчёркнуты — вопросу.

Почувствовало, что отец встревожен, Сева, не отрываясь, смотрел на отца, пока тот перечитывал письмо, и старался догадаться, что за этим письмом скрывается.

Илья Фаддеевич попытался прикрыть лицо прежнее шутланное выражение и с необычайной серьёзностью пронёсся за дверь. Потом, отложив вилку, он принял довольно рассеянно выражение на встрече со степенным волком.

Только сейчас Сева лёг и сквозь неплотно притворенную дверь слышалось ровное дыхание малышика. Муромцев разрезал себе слизь с лица ульбкой и, скотуясь, погружённый в невесёлые мысли, зашагал из угла в угол. Разгадать письмо было нетрудно. Случилось, видимо, то, что волновало Илья Фаддеевича всё это время: нашлись родители, потерявшие сына в страшную военную ночь, когда разбросили эшелон. Если так, выходит один: надо вернуть Севу в семью.

— Логично! — вслух проговорил Илья Фаддеевич, останавливаясь перед дверью.

Но от этого вида ему стало ещё тяжелее. Муромцев склонил голову, приспал на изрезанный глубокими морщинами лоб.

— Как ни верти, другого не придумаешь.

Неожиданно Илья Фаддеевич стало ясно, что он не в силах расстаться с Севкой. Малышика прикоснулся к его сердцу, как не прирастал ни один другой человек.

Илья Фаддеевич встал из-за стола и прошёл в сенину комнату. Поправил края пиджака, несколько секунд постоял возле кровати.

— Я от вас никуды не поеду, — вдруг, не открывая глаз, сказал Сева.

— Ты что, письмо прочёл?

— Прочёл... — всё так же, из всех сил скжимая веки и удерживая слёзы, ответил Сева. — Только я от вас никуды не уеду — так и знайте!

Всё дорого в Сталинграде! Илья Фаддеевич продумывал линию своего поведения. Около часа он бродил вокруг детского дома, раз десять поднимался по ступенькам невысокого крыльца и возвращался, пока наконец решительно распахнул входную дверь.

— Ну вот, — встретила его заведующая. — У Савы отсыпался брат. Надеюсь, вы понимаете, что наш общий долг — дать им возможность жить вместе?

Заведующая пристально смотрела на Муромцева.

— А где он живёт, севин брат? — кинул головой Илья Фаддеевич.

— В Кирове.

— Кем он работает?

Удивлённо покосив брови, заведующая негромко рассмеялась:

— Да вы что думаете, от взрослый? Савка на два года моложе Всеволода. Ему третий год шёл, когда эшелоном эвакуирован. Живёт в Кировском детском доме.

— А я, знаете... Я другого ожидал... — после длинной паузы, с трудом подыскивая слова, проговорил Илья Фаддеевич.

Вернувшись из Сталинграда, Муромцев попросил двухдневный отпуск в музее и выехал в Киров. Поездка прошла без особых происшествий, кроме одного, очень, впрочем, важного. Выяснилось, что под покровительством восемьдесятного Савки состоят Рома, слабовы́здорвый трёхлетний мальчик с белорусской головой и не по возрасту серебряными, как бы чём-то опечаленным лицом. Савка и Рома вместе попали в этот детский дом, их связывала глубокая братская любовь, суровая и покровительственная со стороны Савки, бесконечно преданная и благодарная со стороны Ромы.

— Я думаю, ребята привыкнут к разлуке, — сказал заведующий учебной частью детского дома. В твоем возрасте всё переносится легче.

— Обычно, — отвечу будущему! — хмыкнул, перебив Муромцева. — Всё-таки ребята быстрее забывают детство. Ребёнок теряет горе и разостре, чем мы с вами. Разрешите мне, как старому педагогу, это утверждать. Тяжёлое горе, перенесённое в детстве, накладывает отпечаток на всю жизнь.

— Но они закалены, — проговорил заведующий учебной частью. Отлично понимая тяжесть предстоящей разлуки, он хотел успокоить Муромцева.

— Об этом уж совсем не могу говорить... Если ребёнок теряет всех близких, да и сам чудом спасается... Какая тут ещё закалка?! Горе идёт неминуемый. Всеми силами душа ненавидеть, а не оправдывать.

Помолчав, Илья Фаддеевич спросил:

— По существу, соединия братьев, одновременно мы разлучаем брата с братом. Это логично?

— Не знаю.

— Несправедливо это, в высшей степени несправедливо. И выход я вижу только в том, чтобы вернуть Савку и Рому ко мне...

— Вам не будет трудно?

— Трудно, голубчики, человеку бывает при одном обстоятельстве: когда он остаётся один. Мы с вами люди немолодые и прекрасно это знаем.

3

Сердце поджалось и обратился к старшине:

— Разрешите поглядеть, товарищ старшина?! На поезд не поспею.

Проходит минута, десять, раздаётся стук — и в комнате один за другим появляются Сева, Савка и Рома.

Они становятся близко друг к другу. Вилютину к двери высокий худой Всеволод, рядом с ним коренастый Савка, и, наконец, тощий белобрысый Ромка. Старшина браты очень похожи друг на друга: загорелые, с выпуклыми, упрямистыми лбами. Сева и Савка стоят, наклонив головы, поблекшая из-под длинных ресниц тёмными зрачками. Что касается Ромы, он, повидимому, совсем не чувствует тревожного настроения братьев.

Старшина внимательно смотрит на мальчиков, так плотно прижавших плечи к плечу, как будто им угрожает опасность и они могут положиться только друг на друга.

Теперь и Рома, не улыбаясь, держится за савкину руку.

— Чья работа? — негромко спрашивает старшина, показывая на разбитое окно.

— Не знаю, — пожимает плечами Савка.

Всеволод скользит чёрными зрачками по лицу старшины, по серебряному ордену Славы и переводит взгляд на брата.

— Правду говорят!

— Я разబы. Вот она, рогатка.

Старшина берёт с рук мальчика рогатку с тугой красноватой резинкой.

— Зачем? — спрашивает он.

— Нечайно.

— Из рогатки «нечайно»! — усмехается Рыбаков.

— А он! Он потому... — всхлипывает Савка покрасневшее лицо.

— Погоди! — властно перебивает Сева. — Иди, Рома, спать!

Рома нехотя выходит из комнаты.

— Говорят! — обращается Сева к брату.

— А зачем он Ромку дразнит?

— Как дразнит? — спрашивает старшина.

— Луковицей кривоногой и по-всячески. Рома приходит, ревяя рёвёт.

Рыбаков сердито сопит; старшина, покрунив голову, задумался.

— Вот что, хлощицы... — поднимается он со стула. — Марш за трикотажи!

Ребята исчезают. Круто остановившись перед Рыбаковым, старшина спрашивает:

— У вас какое воспитание, разрешите узнать?

— Как то есть какое воспитание?

— Начальное, или среднее, или высшее?

— Я институт окончил.

— Человек имеет высшее образование и позволяет себе такие поступки!

— Хм... Однако по какому праву вы мне выговор делаете? По какому, знаете, праву? — бормочет Рыбаков.

Ребята возвращаются с ведром и тряпками; вот уже вымыты и насыщены вытюрой.

Старшина направляется к двери вслед за ребятами.

— Хм... постойте, одинако...

— Слушаю! — вполоборота поворачивается старшина.

— Присели бы, товарищ старшина... — Пётр Варсонофьевич старается смягчить голос. — Вы меня перебили, а я что говорил: безотцовщица... — сегодня стекло выбили, а завтра такое приключится, что нас же с вами приплектут к ответу?

— Почему безотцовщина? — нахмурившись, спрашивает старшина. — Ведь есть у ребят отец

— Приёмный отец! Развинца. Не родной. Да и приёмного отца сейчас нет.

Старшина молча смотрит на Рыбакова.

— Разъясните! Извольте... В начале лета Муромцев уехал с экспедицией в Чёрные земли и в дороге тяжело заболел. Годы, ничего не поделавши. О годах надо бы раньше подумать, когда ребят из детских домов брали.

— Где же он сейчас?

— Третий месяц лежит в Астрахани. Я запрашивал старшего врача... Во всяком случае, Муромцев из строя выбыл; на полгода, на год, а может, и... насовсем.

Пётр Варсонофьевич прошёлся по комнате и закончил:

— Третий вспомогательный. Ребят надо устроить и дом спасать... от дурных влияний. Как спасать? Разослать Севу и Рому по детским домам, где они проживали. Очень просто... А Савелия в колонию для трудно воспитываемых. Твёрдо надо действовать.

4

Ребята поднялись к себе, на цапках прошли мимо спящего Ромки, не зажигая света, сели на застеленные кровати друг против друга. А общеша рогатки не трогать, — не глядя на брата, проговорил Сева.

Илья Фаддеевича нет, и Севе приходится быть за отца. Только теперь он понимает, как это трудно.

— Отцу обещали...

Нарушение честного слова считается в семье Муромцева самым тяжким проступком. Сева поднимает голову, видит полные слёз глаза брата и круто меняет разговор:

— Поймите совсем не из-за чего!

Братяшки сидят, разревевшись.

Тут раздавались и сквозь слёзы, сквозь прозрачную тюлевую занавеску на окне Савка сквозь слёзы. Не так давно показалась одна, ещё одна, ещё одна, а теперь склоняется к их... Теперь они сверкают по всему небу. Это уж так получается, что в одиннадцать лет человек рассматривает звёзды лишь тогда, когда ему очень плохо на душе. В другое время, наяву, сидевшие за день, он засыпал раньше, чем голова коснулась подушки.

Впервые в жизни Савка видит, что звёзды разноцветные. Есть белые, зеленоватые, голубоватые, как лезвие ножа, когда его только что начиниш на нождачном круге.

(Окончание см. на 16-й стр.)

на арене

В цирке умеют открывать, воспитывать и расти молодые таланты. Всесоюзный смотр молодых артистов цирка, проведенный в прошлом году, дал немало интересных номеров, выявил ряд талантливых артистов многих жанров. В смотре приняло участие 569 артистов, показавших в цирках страны 55 новых номера. Лучшие из них мы видим сейчас на арене Московского цирка, в его первой программе текущего сезона.

Молодежь, как правило, приносит с собой на арену не только жизнерадостность, мастерство, но и чувство нового, горячее желаниенести свой вклад в дальнейшее развитие советского циркового искусства. Имена молодых артистов не так уж часто появляются на афишах, и потому программы, почти целиком составленные из новых номеров силы, представляют собой большой интерес.

Большинство участников нового циркового представления впервые показывает свой искусств в Москве. Отсюда же особая взволнованность, которая чувствуется в их выступлениях.

Молодые артисты — самая юная из них, Ири Альзерини, акробатке и дресировщице, тринадцать лет — вместе с признанными мастерами показали в новой программе ряд интересных номеров.

Чтобы слаженно исполнять воздушный полет, участники смотря, воспитанники Государственного училища циркового искусства гимнасты А. Смирнов, М. Якуни и В. Лобзов.

Прекрасно работает гимнаст-прыгун Сергей Андреенко.

Мастерски выступают жонглер на галопирующей лошади В. Бикторов, акробаты на туре натянутой движущейся проволоке Ирма и Александр Кожевникова, эквилибристы на шаре Н. Егорова и А. Ярославский, музикальные энсекиетрики В. Орлов и И. Третячен.

Старшее поколение представлено в программе умного и привлекательного Иваном Рубаном. У Рубана своя манера, свой стиль юденчи номера. Это подлинно русский национальный цирк. Из смешанной группы зверей Рубана особенно выделяется огромный бурый медведь Потап, разыгрывающий вместе с дрессировщиком ряд смешных сценок.

Новая программа Московского цирка лишним раз свидетельствует о том, что молодежь советского цирка живет кипучей творческой жизнью, неустранно ищет нового и совершенствует свой искусств.

В. ЭРМАНС

ФОТО А. Моклецова

На третьем курсе исторического факультета сдаются зачёты по политэкономии.

У стола высокая пышноволосая девушка с большими серыми глазами. Щёкки её порозовели: волнуется. Но отвечает уверенно, увлечённо.

Преподаватель, прислушиваясь к ответу, листает листочек, написанный студенткой Рязанского государственного педагогического института Марии Романенковой «отлично», «хорошо», «отлично», «отлично» и опять «отлично»!

Через минуту девушка выбегает из аудитории, едва не сбив с ног толкающихся за дверью подруг.

— Сдала?

— Сдала.

— Девочки, сегодня в театре премьера, — заявляет Зина Воронкова. — Четверть восьмого. Ещё успеем...

Но Маша отрицательно качает головой: она занята в этот вечер.

— К своим пойдёшь? — догадывается Зина.

— Да. К своим.

Они выходят вместе. В свете фонарей роятся снежинки. Крыши и деревья облещены снегом. Хороший январский вечер стоит над двухэтажными домами старинных рязанских улиц.

Маша живёт на улице Красной Армии, но почему-то считает к Садовой. И подруги не удивляются: Маша идёт к своим...

Всё началось съёд на первом курсе. Перед выборами в местные Советы комсомолу Марию Романенкову ввели в агитколлектив Педагогического института. Дело это было для девушки незнакомым. К первой своей беседе с избирателями Маша добросовестно готовилась в течение нескольких дней. Составила подробный список.

Первое избирательное она испытала, увидев дом. Неказистый и ветхий, он непривлекательно показывался на белый свет. Такие дома, пережитки, стоят иногда под боком шестизадильных стройных красавцев, напоминая о прошлом, и жильцы более всего интересуются: скоро ли дом снесут, а на его месте выстроят новый?

В первом этаже долго громыхали задвижкой. Сухонькая струшка, отворив дверь, излучающие оглаздела гостью и, что-то проговорив, пустила в квартиру. Здесь, очевидно, не очень жалованы незнакомыми.

— Я агитатор, — сказала Маша, стараясь улыбнуться. Такой приём её огорчил. — Буду проводить беседы...

Долговязый мужчина, синеватые щеки, появившийся в коридоре, поклонился, добавил:

— Бесседы. Справлю... Я, например, человек интеллигентный, сам могу разобраться, что к чему.

Право слово, голубушка, зря себя забочится, — проворковала старушка.

Маша уже готова была повернуться и уйти. Но взгляд её случайно скользнула на отворенную дверь комнаты, и она увидела на стенах рядом с пожелтевшим плакатом «Анимализм — увалечатальный спорт» туеску, пропыленную иконку.

И она ушла.

Теми же беседами — «Положение о выборах». Маша коропилась, боялась, что избиратели разойдутся, не дослушав. Читала по конспекту и прямо из газеты, не поднимая глаз. Кончила читать. Взглянула на лице...

Да, именно такое выражение бывает на лицах в студенческой аудитории, когда не отважишься ответить товарищу-убранки или когда из кафетерия вываливается полубесмый преподаватель.

Бывшая, её поблагодарили — из вежливости. А один из жильцов — старичок в телогрейке — даже проводил Машу до двери, покружил рукой и сказал:

— Ничего. Ещё приходите.

Уже позднее Маша Романенкова узнала, что старичка в телогрейке зовут Николаем Павловичем Савёловым, что он немецко-пер и что много лет назад с красной звездой на булёниновке скакал он по днепровским стоям, преследуя белопопляков и махновские банды.

Первая неудача очень встревожила девушку. Дело-то ведь не только в том, что она плохо выполняла комсомольское поручение. Ведь если она не умеет увлечь, заинтересовать слушателей,

значит, она не сумеет и преподавать, значит, она не годится для избранной профессии.

С этими новесёлыми думами попада Маша Романенкова в комитет комсомола.

— Чересчур послешный вывод, — сказала комсогр, выслушав девушку. — Агитаторами не рождаются, а становятся — это одно, второе — подменить агитационную работу чтением газет вслух, беседовать, не отрывая глаз от шпаргалки, нельзя. Агитатор должен нести любовь к своему народу, коммунистическую правду!

И у них вторая встреча агитатора с избирателями прошла удачной. Маша рассказала много интересного о том, как проходят выборы в капиталистических государствах, прочла отрывки из произведений Диккенса и Марка Твена, описала разгул реакции на выборах в современной Америке, парламентские неупотребления во Франции.

— Диккест... А ведь они хотят и другим народам навязать свой образ жизни! — сказала Николай Николаевич Холопов.

И все с какими-то новыми, гордым чувством посмотрели на скромную брошюру, украшенную гербом Российской Федерации, на главы и пункты «Положения о выборах».

Всё чаще становились их встречи. Все больше жильцов дома приходило послушать своего агитатора. Та самая старушка, что не приветствовала изначально избирательницу, — Ольгу Павловну Савёлову, — теперь не пропускала ни одной беседы и уже величала девушку не Машей Андреевной, а Ласково — «дочкой».

В начале первого семестра студентка Романенкова приводила свою первую урок в 4-й мужской средней школе.

К уроку подготовилась тщательно. Но снова зашевелилась в сердце опасение: сумеет ли она овладеть вниманием класса?

Пятиклассники — народ бойкий. С первого взгляда определяли, что незнакомая «историчка» — ещё совсем недавно сама сидела на школьной парте и что она здорово выросла.

Маша прочла в глазах сидящих перед ней маленьких испытующих внимание, проницательных и ещё большие оробели. Но, уже притянувшись к своим запискам, вдруг решительно: «Не нужно, чтобы я говорил не так уж гладко, альбо бы не скучно!»

И спустя несколько минут все ученики, затянув дыхание, слушали рассказ о крито-миненской культуре.

— Значит, я не ошиблась в выборе профессии! — думала Маша, возвращаясь с урока. И с благодарностью вспомнила первую свою аудиторию: Ольгу Павловну Савёлову, Татьяну Васильеву, Сергееву, Николаевну Холопову.

Они многому ей научили.

Прошли выборы. С фасада Педагогического института сняли звёзды транспарант с надписью «Агитпункт». И когда Маша Романенкова предложила своей подруге, тоже агитатору, Мае Зубковой наведаться к избирателям, то недумоно повела плачущими:

— Но самишко яичко есть? Ведь выборы закончились...

Обо всех событиях в жизни страны — о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о новом снижении цен — жильцы вели разговор по душам со своим агитатором, высказывали соображения, просили растолковать, поподробней.

Маша уже была в курсе всех событий, происходивших в двенадцати квартирах дома. Люди запросто делались её новыми родителями, жителейскими невзгодами.

Ну как, например, не проникнуться симпатией к стариковскому брату и сестре Ольге Павловне и Николаю Николаевичу Савёловым? Каждому из них по годам. Бедственные оба, они взяли на воспитание из приютов Володю и Веру. Большой заботой окружали они детей, вырастив, выпестовав с помощью государства. И сейчас для Ольги Павловны и Николая Николаевича большая радость, чем получить весточку от Володи — воина Советской Армии, письмо от Веры, уехавшей с мужем в Белоруссию.

Чаще всего беседы происходят в квартире Гуленковых. Глава семьи, Михаил Фёдорович Гуленков, — токарь паровозного депо

Савёловым пришло письмо от их воспитанника Володи. Свою радость они спешат поделиться с агитатором Мариной Романенковой.

ЖИВОЕ СЛОВО

Александр РЕКЕМЧУК

Рязань-1. Он стахановец, гордится своей работой и при случае не прочь напомнить, что профессия токаря — одна из важнейших на производстве, а о его паровозном депо не только на Рязанской дороге знают.

А жена Михаила Фёдоровича, Мария Семёновна, та больше домашних хозяйственных занимается. Несколько лет — квартира приватизирована, обер-прокурором. Коля подрастает и уже учится в профтехникуме.

Мария Семёновна ещё очень молодая. И Маше порой кажется, что истомлена женщина возвыше, потому что глядит ей лучше о какой-то другой, большой жизни. Как загораются её глаза, когда актёрский заводит речь о трудовых подвигах славных дочерей Советской страны! Кажется Маше, что Мария Семёновна с затяжной завистью смотрит на её портфель, на её тетрадки...

— Не торопись, Машенька, замуж, — сказала ей как-то Мария Семёновна. — Поживи свою жизнь...

«Своей жизнью» — удивлённо думает Маша. — Разве в семье не может быть полонокровной, богатой жизни? Нужно только захотеть. И у Марии Семёновны может быть такая жизнь. Обязательно будет!

Поздний вечер. Законспектирована очередная глава «Капитала». Перевёрнута последняя страница «Дороги свободы» Фасти. И девочка задумывается над письмом.

Оно пойдёт далеко, к берегу Чёрного моря. Хорошее письмо к другу о большой, настоящей дружбе...

Октябрьским утром сотни людей толпились у газетных витрин, стояли в очередях к книжкам «Союзпечати». Почтальоны с особо торжественным выражением на лицах входили в подъезды домов.

«Союз». «Экономические проблемы социализма в СССР», — прочла Маша заголовок в газете.

Через несколько минут она уже сидела в читальном зале института, особенно многолюдном сегодня.

В эти октябрьские дни 1952 года не было такого угощения на земном шаре, где бы с глубоким интересом и воодушевлением не говорили о труде товарища Сталина, о новом пятилетнем плане, об исторической речи вождя на заключительном заседании XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

В доме № 32 по Садовой улице горячо обсуждали эти события. Агитатор Мария Романовская провела здесь три беседы, читала вслух материалы следства.

Когда агитатор заканчивала речь, за столом возникала задушевная разговор.

— Вот я работаю на заводе, — говорит Николай Слесарев, — здесь, в Рязани. А за сотни километров от моего завода строят Куйбышевскую ГЭС. Все мы, советские люди, чувствуем себя участниками великих строек.

Его матеря, Егоровна Слесарева, работает в Тресте земельного строительства. Её руками высыпаны деревья в сквере имени Павлова на Садовой улице, над рекой Лыбедь.

— А ведь это не только для наших внуков, — тихо говорит Егоровна. — Для нас же самих по весне зазеленеют деревья. Такой красивой делается наша Рязань! Троллейбусы! Три новых института. Да и каждая семья зажила б躬che.

Берно... вступает в разговор Михаил Фёдорович Гуденков. — Только нужно, чтобы на заводах, на фабриках, на железнодорожных путях каждый рабочий сталася быть настоящим мастером, стахановцем, новатором. Технику крепко в руки взять! И всё это нам же на пользу. Придёт время — всего будет в изобилии. А ведь это и есть коммунизм!

Коммунизм... Как он базис, национализм первый день, озарённый ясным гением вождя!

Потом посыпались вопросы:

— Маша, а какая будет Рязань в новый пятилетке?
— Что произойдёт в Приокской индустрии?
— Когда в школах города введут политехническое обучение? На многие из вопросов Маша не может ответить сразу, и она признаётся в этом без ложного самодовольства.

— К следующему году подготовлю специальную беседу на тему «Наша область в пятой сталинской пятилетке», — говорит агитатор.

Они прощаются. Мария Семёновна Гулenkova провожает её до двери. Её, видимо, нужно что-то сказать по секрету.

— Знаешь, Машенька, я всё-таки решилась... В такое время дома не усидеть. Поступлю на работу. Успею и по хозяйству. Женские руки — они быстрей!

— А как же сынинка?

— В том-то и дело. Хотела устроить Колю в детский сад, а места не было. Надо бы депутату обратиться...

Депутат Григорьев. Колю определили в детский сад. ...Снова над парашютом подъёмом Рязанского государственного педагогического института появился алый транспарант с надписью «Агитпункт», а рядом — большой макет календаря с датой: «22 февраля 1953 года».

Советский народ готовится к выборам в местные Советы депутатов тружеников.

Отзванием последний звонок. Шумной гурьбой выходят на улицу студенты. У многих в портфелях и папках лежат конспекты бесед. Многих из них сегодня ждут избиратели в домах по улице Ленина, по улице Радищева, по улице Свободы, по Садовой улице.

БЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ

Читатели журнала «Смена» обсуждают статью А. Первенцева (см. №№ 1, 2 за 1953 год)

Принесли А. Паукова.

ВООБЩЕ ХОРОШИЯ

Часто приходится слышать, как о неком-нибудь юноше или девушке говорят: «Он хороший». Он хороший, или: «Она вообще хороша...» И вдруг неожиданно для самой себя замечаете в этих людях, что-то постороннее, не свойственное им. Откуда это...

ПРОХОЖИЕ

Впереди меня идёт две двадцатичетырёхлетние девушки — Ирина и Елена, разговаривающие между собой. Ветер доносит отрывки из разговора: «Сейчас на линии не было... помагают...» «Нет, я же у мамы забыла...» «Надо помочь... А что с ней?» Но подругу не успевает отвлечь, и Ирина, смеясь, разговаривает с ней. Та девочка, у которой большая матка, чуть не падает. Её подруга, Елена, смеется, но пареньчики-ремесленники, поиздевавшись, очень хочется, чтобы она очнулась в сугорье Девочки, неумеющей отвечать на вопросы.

— Ах, ты драчусь со мной! — раздается воинственный клич парня, который, выскользнув из-под воротника, вырывается из рук девочки, икусствует её. — Эх, что ты «всё уши» — спрашивает он, подбегая к Елена, которая смеется и машет, не трогая тебя.

— А пусты, не пристает!, — отвечает Елена.

Мне хочется узнать, откуда она, зачем сделала всё это. Наноцент хочет, чтобы от поныне несомненно злого парня избавили от него. Наноцент упрямится, молчит, осматривается по сторонам: нельзя ли как-нибудь убежать? Лишь Елена, смеясь, говорит: «На нём можно прочесть: «Эх, зачем я только связалася с ним?»

Но, подумашь, у тебя портфель девочки... — смылая чищу я голосом.

— А ты зачем к нему пристаёшь?

Говорят женщины с ребёнком на руках.

— Яичница, чувствуя поддерканку, пискливым голосом твитит:

— Конечно, пристаёт..., и, ныряя в сторону ступившейся за него женщины, пареньчик скрывается в первом перегородке.

Назавтра я всё не пошла в учительницу, и на первом звонке заметила на пачках парнейшина заинтересованность.

Наноцент, как это могло случиться, говорит девочке, учителюницы.

— Винтик, прости, — Быть грубоват, но учительница неплохо, выполняет общественную работу. Мы считаем его вообще хорошим воспитаником.

СЛУЧАЙ С КЛАССОМ

Учителяница заметила, что с некоторыми пор ученицы девятого класса одной из школ, отвечаю-

щими борьба классов, показалася, что ученицы слишком строги, суровы, иногда «причищут» на них. Одним словом, «она их не любит». А раз уж она не любит, то и ученики её нелюбят, свою безразличие и ней. Ведь не можем же мы её любить, если она нас любит? Потребовалась большая работа, чтобы доказать учащимся, что их мнение неправильное, ложное, а ученица основательно, серьёзно, аично для учителя, но и для них самих.

Кин же это могло случиться? — спросили у группеномографа.

— Не знаю, — ответила она и поклонилась плачами. — Наши девочки ведь вообще хорошие.

НЕ МОЖЕТ ЭТОГО БЫТЬ!

Напротив директора сидят хорошие одетые плотные мужчины с умными, волнистыми волосами. Они смотрят, какому-то ученику, который входит в зал, и говорят:

— Погодите, — говорит один из них, — это мой ученик. Он не может этого быть!

— А что случилось? — спрашивает директор.

Оказывается, однажды по ошибке одному из учеников иностранных языков, канюльнику, на уроке появился ученик из другой школы, канюльник.

— А что случилось? — спрашивает директор.

Оказывается, одна из своих получила оценку за неудовлетворительное знание языка. Необходимо принять сообща срочное решение.

— А что случилось? — спрашивает директор.

Оказывается, одна из своих получила оценку за неудовлетворительное знание языка. Необходимо принять сообща срочное решение.

— Но момент этого быть! — говорит отец двух учеников-честолюбцев. — Но я хочу, чтобы вы, директор, поговорили, хотя уверен, что и Анна и Юлия — вообще хорошие девочки.

ПРОСТО ХОРОШЕ

А заговорил с пареньчиком-ремесленником, с любой ученицей упомянутого девятого класса, с сёстрами Аней и Еленой, со всеми другими одноклассниками, со всеми об их будущем, и сразу увидишь, как яростно заставляют их глаза. В эту минуту никто не вспоминает о своих груботе, никто не вспоминает о своей неуважительности. Другая история, другая история...

Но вспоминают потому, что это для него «мелочь» — это «невозможное».

И вот пареньчик, синяк на щеке, оплатив болезнь, которая, если не пресечь её в корне, приведёт к хроническому алкоголизму, бездумному, боркорентному, бездуменному отношению к окружающим.

Воронина, поднявшись, говорит:

— А. Первенцев, этот вопрос о воспитании. Нельзя говорить о воспитании в семье, не говорить о воспитании в школе. Это не только в производственном, или ученическом коллегиентве, а в коллегиентве в школе скажи слова, в нашем союзе, в кооперации, в коллегиентве, который окружает нас в цехе, и в школе, и в городе, и в улице.

И каждый член коллегиентва должен указать на недостаток другого человека, если видит этот недостаток. Указав на недостаток другого, не говори, что это товарищ, просто называй, называй, называй.

Людмила Григорьевна, это хороший способ помочь достичь того, что осталось без исключения людей у нас будут говорить: «Это хороший человек, хороший простой, не виноват».

Л. Г. Воронина, учительница географии средней школы № 149 г. Москвы.

урон у доски или задавая канюль вопрос с места, несмотрят на него. Они внимательно, смотрят на членов коллектива класса — даже отличники. Согодня, застра, послезавтра.

Что случилось? Учителяница старается узнать причину — безрезультатно.

«Мы всегда так».

Вопрос ставится на комсомоль-

СЕВКА, САВКА и РОМКА

(Окончание)

— Сева, ты спиши?

— Сплю!

— Сева, почему отец не возвращается?

Сева не отвечает. Савка лежит с полузакрытыми глазами, и в полуночные пёселища светится вся его жизнь. День отъезда из детского дома. Поехал из Кирова отъезд рано утром. За окнами леса. Сосны покачивают медными стволами, с зелёных лап елей падают хлопья снега, испуганная белка перепрыгивает на соседнее дерево и исчезает в столбенном бору...

На станциях Илья Фаддеевич первым выбегает с медным чайником в руке. Савка всё боится, что он отстанет от поезда. Но паровоз проходит и ждёт, пока Илья Фаддеевич вскочит на ступеньку; только тогда, скривив коленами, лязгнув буферами, поезд пойдёт отступая влево по рельсам мимо городов и бревенчатых деревень, мимо лесосек, где электрические пилы валят огромные деревья, мимо станций и полустанков.

На столике купе горячий чайник, хлеб, масло. Илья Фаддеевич заливает и разливает по кружкам крепкий чай. Савка режет хлеб и намазывает маслом бутерброда. Родители клали в кружки сахар.

Поезд идёт на юг. Уже не видны леса по сторонам. Снегу тут мало, что чернеет забыть на полях, рожки кое-где прошлогоднее живиц.

— Ну и куда же нас привезут у нас? — взволнованно улыбаясь, спрашивает Илья Фаддеевич.

Савка не знает, что ответить.

— Гляньте, что просторно! — говорит Илья Фаддеевич. — Вон, видишь ту деревенскую — до неё тридцать километров, за день не дойдёшь... А леса? — Жо, леса тоже будут.

...Они уже давно приехали и привыкли к новому месту. Савка перестал замечать, как голо и непривычно вокруг, потому что из лесовика он стал степняком, как шутка сказал отец.

Во дворе у Савки появляются друзья и враги, но больше друзей. Как-то раз он сидит на крылечке и решает задачу. Три реки впадают в озеро. По первой реке каждый день вливается двести вёдер воды, по второй...

— Три реки впадают в озеро, — передразнивает тональный голос.

Это Маша Рыбакова, маленькая девочка с тёмными серёзными глазами, одетая в коричневое, хорошо отгруженное платье с белым пепельником.

— Тебе что? — воинственно поднимается Савка.

— Ни-чё-го... — пожимая плечами, отзыается Маша.

— Ну и катись своей дорогой!

— Сто лет думай, не решишь...

— Почему?

— У тебя по арифметике «тройка».

— Это «струса» придрястись.

— Пионеры прозвища не дают, — строго говорит Маша.

Три речки впадают в озеро... Светит солнце, пахнет сеном, со стороны Гусинки доносятся тонкий смех и веселые воды: эти паром

отправляются на ту сторону. А Савка всё сидит, не отрываясь от учебника.

А через две недели они втроём: Маша Рыбакова, Савка и Виктор Ломакин — из всех сил напихивают тетиву громадного лука. Ясень тут сгибается, тетива из жилы, которую Виктор разломы на городской скобе, и воняет, как струна. На конце стрелы переливаются красные, зелёные и оранжевые перлы, потому что сегодня у Рыбаковых на бедро пришла потух.

Маша уходит первый: ей большие гулять нельзя, а то рассердится отец. Савке вдруг становится скучно.

Пойдём, Витя, домой, — предлагает он упавшим голосом.

...И комнаты доносятся голос Рыбаковых, и Савка невольно прислушивается.

— Мария, как вам известно, — единственная наша дочь. Она и языки изучает, и музыку, и в школе отличница. И мы с потерянным дурных вливаний со стороны ваших... воспитанников, — раздражённо говорит Рыбаков.

— Сыновей, — поправляет Илья Фаддеевич.

— Не потерпим! Заранее предупредил! Девочка стала из дома бегать, приходит возбуждённая, — смеётся, дерзят, беспризорные манеры... Так это реальная попкорнувшая винштиц вашим воспитанникам, чтобы они не забывали это правило.

— Это малый человек, дружба — понимаете вы такое слово?.. Это самое лучшее на земле, а вы — «не разрешу». Даже смешно, простите меня, это страшно. Это важнее в жизни даже, чем музыка и чеш языки, и ничего, кроме хорошего, не лист ни вашей дочери, ни моим ребятам.

— А попрошу не вмешиваться! — почти кричит Илья Фаддеевич.

Пётр Варсонофьевич пробегает по коридору мимо прижавшегося к вешалке Савки и, хлопнув дверью, исчезает. Конечно, у Савки больше друзей, но есть и враги; так всегда бывает в жизни.

...По воскресеньям Муромцевы всей семьёй отправляются за Гусинку, в степь; иной раз, когда Пётр Варсонофьевич в отъезде, и Маша с ними.

В степь... Савка знает места, где весной травы поднимаются выше головы. Заберёшься в травянной лес, где нет кругом, всё утюно в зелёном море, даже странно, даже хочется окликнуть Севу, или Машу, или отца.

Кружит ворона над головой, не то насмешливо, не то испуганно поющие перепел, и тебе кажется, что ты казак и едешь на могучем коне по безбрежной степи в Запорожье.

Савка и Сева знают озеро, как серебряное зеркало, где весной видимо-невидимо птицы.

Запарчевшись в камышах и, совсем рядом, отталкиваясь от воды, перепончатыми лапками, проплыивает дикий селезень.

Савка стал настоящим степником. Он может зажечь костёр первой спичкой в такой ветер, когда смотри, как бы тебе самого не унесло, когда всё свистит и ревёт в ушах, а отогнёт горсту в старом, заросшем травой окопчице.

Он умеет очистить рыбку, наловленную отом и Севой, спарить уху. Ничего, что уха этой раза бывает переселена или недосолена, — этого никто не замечает, потому что она вкуснее всего на свете, и не ждет спасения ветром, которые ветер, не спросив, бросит в колоду.

Савка стал настоящим степником. Он знает, что когда созревает пшеница, от колхоза «Искра», колхоза имени Ленина пылает, чтобы покачиваясь, комбайны, и по дорогам пылит машины с зерном. А потом зажигаемые комбайны проезжают через город на аэродром, чтобы улететь в Сибирь, где скоро начнётся уборка. И обязательно кинут Савке, когда он выскочит за ворота, провожая машину. Как же индейка? Савка — человек знакомый, степник. Может быть, и он, когда вырастет, станет комбайнером, полетит в Сибирь, убрал урожай у себя в приволжской степи.

Ночь. Спит весь этот большой дом на окраине далёкого степного городка. Погашены лампы, опущены занавески и шторы. Спит и Савка. Савка стал настоящим степником. Он знает, что когда созревает пшеница, от колхоза «Искра», колхоза имени Ленина пылает, чтобы покачиваясь, комбайны, и по дорогам пылит машины с зерном. А потом зажигаемые комбайны проезжают через город на аэродром, чтобы улететь в Сибирь, где скоро начнётся уборка. И обязательно кинут Савке, когда он выскочит за ворота, провожая машину. Как же индейка? Савка — человек знакомый, степник. Может быть, и он, когда вырастет, станет комбайнером, полетит в Сибирь, убрал урожай у себя в приволжской степи.

5

Окончив разговор с Рыбаковым, Лебединцев закрыл за собой дверь и быстро спустился по лестнице. В темноте он заметил деревянную скамью у ворот, сел и задумался.

Он демобилизовался месяц назад, но на родину, в село Садки под Тарнополем, не поехал. Что там делать? Две старших братья погибли на фронте, младший сгорел вместе с матерью, когда гитлеровцы, отступая, подожгли село.

Степной Лебединцев выбрал потому, что в сорок втором воевал в этих местах.

Старшина поднял голову, отыскавшая окна квартиры Муромцевых. Верно, эти, на третьем этаже. Окна были тёмные, и в них отражались звезды. Все время Лебединцев думал о ребятках, с которыми познакомился сегодня.

— Положение тяжёлое... — нетрогом, самому себе сказал старшина.

— Тяжёлое... — это же тихо отозвался из темноты голос Карагинца.

Лебединцев не удивился, что упрашом оказался рядом, даже обрадовался этому.

Дмитрий Павлович сидел поодаль, на другом конце скамьи. Говорил он медленно.

— Рыбаков — такой уж человек... Если что решил, — добьётся. Он уже десять заявлений написал, чтобы ребят забрали в детские дома... А разве это можно? Илья Фаддеевич вернётся — квартира заключения, сыновей опять по всей стране искать... Как же так, не война ведь?

— А кто с хлопушками сейчас — по хозяйству и вообще? — спросил Лебединцев.

— Татьяна Ивановна, соседка. Женщина хорошая, но слабая и возраст такой — шестьдесят пять; её с ребятами не справиться. Главное, и вони и к нему. Школьный завуч — в пионерском лагере. Директор музея — в Москве. Я вот думал: к себе ребят взять — не подадут. Гордые, во-первых, и Савва скажет: на меня отец дом оставил, и книга, и дубки.

Несколько минут старшина и Дмитрий Павлович сидели молча. Потом старшина поднялся:

— Пора... — Вы бы заночевали у меня, — предложил Карагинцев. — Тем более один я, сынок в пионерском лагере.

Старшина помедлил, крепко пожал руку упрашому и покачал головой:

— Нет, спасибо.

Лебединцев хотелось побудить одному; он не понимал, что его так интересовало. Уборка осталась и ещё раз оглянулся. Дом был погружён в плотную темноту, светилось только одно окно в нижнем этаже, вероятно, у Карагинцева.

Старшина стоял, проницавший к мокрому забору, сам с собой обсуждал одну мысль. Решить сразу было трудно. Конечно, в воспитании мальчиков помогал. А с другой стороны, семья у него большая, к ребятам привык. И разве в роте он не воспитывал? Тоже дело недёжное, а эс-таки спрашивала.

Лебединцев повернулся и зашагал по топкой грязи обратно к дому.

Дмитрий Павлович сидел у открытого окна и курил.

— Вот и ладно, что вернулся, — чёрногром сказал он. — Ребята, они хорошие...

Вымыли чай и выпили на улицу: спать не хотелось. Началилась уборка, и вся урожая, и вся стояла за Гусинкой, всё огромное пространство, открывавшееся отсюда с окраины города, свирепело от сумрака. Единственные неподвижные — сёла, станции; помольные — полевые ставни: покачивались логии комбайнов, цепочками двигались машины с зерном, светились кипарели водовозки и бензопропаги. Время шло. Огни останавливались и гасли одни за другими. Степь засыпала на недолгий срок перед приближающимися утром.

Московское музыкальное училище имени Гнесиных. Арфистка Наташа Кочурин.

Фото Л. Петрова

Прыжок с трамплина.

Фотограф Г. Малиновского

Юлий ЧЕПУРИН

ДОМ Павлова

Во второй половине сентября 1942 года уличные бои в Сталинграде достигли наивысшего напряжения. Фашисты решали захватить Сталинград.

Советские воины поклялись народу, поклялись великому Сталину выстоять и разгромить врага у стен Сталинграда.

Фашисты обрушили на защитников Сталинграда всю полноту двух тысяч орудий, они делали же двадцать тысяч самолётов летов в день, сасывая удачу сокрушим и разрушенный ими город, десантами тысячи тяжёлых бомб; сотни фашистских танков настойчиво искали в нашей обороне уязвимые места.

На участке 42-го стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии положение к исходу 25 октября оказалось очень тяжёлым.

Моментами невозможно было разобрать, в каком доме противник, в каком гвардейцы. В штабе полка кореневшая лампа тускло освещала план города. Синие линии, линии, словно вены на старческом теле,— это противник. Красные короткие линии (они часто прерывались) — мы, наши силы.

В этом доме — наци. В том — немцы и наци. В третьем — немцы.

— Майор, а кто вот в этом доме? — обратился комдир полка полковник Елин к начальнику штаба.

Все посмотрели на защищенный четырёхугольник. Он, как остров, стоял в колыбе моря, занятым врагом.

— Последнее донесение, товарищ гвардии полковник, получено четыре часа назад. Четыре часа назад к дому подошли шесть танков противника. Больше ничего неизвестно.

— Выясни! Немедленно! Самых боевых разведчиков послать!

Дом, стоявший несколько на отшибе от группы зданий, за которые вились облака, играл решающую роль в обороне всего участка. Засечься за дом, превратить его в опорный пункт — значит держать под контролем городскую площадь, все соседние дома, захваченные гитлеровцами, сковать противника, лишить его возможности открыть подвозку боеприпасам, производить оборонительные работы.

Разведать дом было приказано четырём гвардейцам: сержанту Якову Павлову, красноармейцу Александрову, Шаповалову, Черноголову.

Под отгёмом — противника отважные разведчики подобрались к дому. Дом обороны один человек — санинструктор Калинин, оставшиеся бойцы были ранены. Разведчики пришли во время: гитлеровцы пошли в атаку. Борьба за дом началась снова. Фашисты несколько раз пыдались в атаку, но каждый раз были отброшены другим ополчением разведчиков. Но вот к Павлову подбежал Калинин:

— Товарищ гвардии сержант, патроны кончатся...

Павлов написал короткое донесение в штаб полка, отдал Калинину:

— Лети. Любой ценой прорвишь. За раненных не бойся, мы тут как-нибудь...

В штабе напряжённо ждали.

Прошло тридцать минут, сорок, прошёл час, а разведчики не возвращались.

— Жаль... Хорошее были ребята, — нахмурился начальник штаба.

— За каждого человека высыпь... Да, да, с вас! Напутали чего-нибудь. Людей не бережёте! — резко сказал Елин.

В эту минуту в штабной блиндаж и вбежал санинструктор Калинин:

— Товарищ гвардии полковник, сержант Павлов приказал передать...

В блиндаже стало очень тихо.

— ...Я не знаю, сколько может продержаться Павлов, — сказал полковник, прочитав донесение и выслушав санинструктора, — но подкрепление должно быть на месте через двадцать минут. Не позже. Подходить к дому двумя группами.

Наштаба едва поспевал записывать.

Первыми к дому подошли пулёмётчики, связисты и сапёры.

И движением прикрывают миномёты. Масированный белый огонь по южной площадке: перед домом. Достигнув рубежа, часть пулемётов ведёт огонь по противнику, другая обеспечивает подход миномётчикам...

отбивали уже одними гранатами, но и их было немного: четыре у Павлова, по две у Александрова и Шаповалова.

«Неуклюжи Калинину не удалось?...» — с болю подумал Павлов.

В нескольких шагах от дома на южной площадке упала и разорвалась мина. Потом вторая, третья. Ещё, ещё, ещё... Было ясно, что это были свои. Но зачем?

Кто-то, громко стучу салогами, бежал по коридору, истощенно крича:

— Се-ержант! Товарищ тверди-и! Наши! Подкрепление!

Мимо Павлова с коробкой патронов в руках торопливо пробежала боевая мина. Потом вторая, третья... Мурзик... Бихрам. Пулёмётчик...

— Товарищ гвардии сержант, бронебойщики под командованием гвардии старшего сержанта Сабгайда прибыли в ваше распоряжение.

— О-о! Теперь нас голыми руками не возьмёшь! — ликовал Черноголов.

Когда с наступлением рассвета гитлеровцы попытались снова ворваться в «Дом Павлова», они были встречены ураганным огнём станковых пулёмётов.

— Что? Не ждёшь? — вперёд за эту тревожную ночь засмеялся Павлов.

Фашисты, получив отпор, затихли. Отправив донесение, Павлов решил тщательно осмотреть дом, изучить подходы к нему, выбрать места, откуда сподручнее бить врага. Сержант поднялся на второй, на третий, на четвёртый этаж, переходил из комнаты в комнату, перелезал через груды домашней рухи и опрокинутой мебели. Он не знал, что ни с чем, ни с чем...

Всё его внимание было приковано к дому, окружающему здание. В них противник. Как близко, оказывается, до фашистов!

Павлов открыл дверь в соседнюю комнату. В ней было много света: снаряд, прошедший навылет, оставил в стене огромную дыру. Разбитый диван. Кругом валяются книги, ноты. Резиновая игрушка. Сахарные цинильцы. Мужская калоша...

— Товарищ сержант! Павлов вздрогнул.

— Что такое?

— Товарищ гвардии сержант, в доме, оказывается, живые люди есть, гражданские!.. Женщины, дети ранены... Тридцать человек... Наша! Сейчас обнаружили. В подвале. С вечера...

Свечи, машины, оружие, патроны находились под северной частью дома. Туристы мерцали язычки контактов. На партерах, лежали, сидели старушки, женщины и дети. Многие из них были ранены. Гвардейцы угощали детей сахаром, сухарями.

Таким был «Дом Павлова» после Сталинградской битвы.

— А людей беречь надо... неожиданно громко повторил полковник, поднимаясь из-за стола... Да, да! Надо беречь.

Патроны в дисках автомата Павлова кончились. Винзу замолкли винтовки Александрова и Шаповалова. Следующую атаку они

кончатся...

Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов, секретарь Валдайского района партии, беседует с молохом.

Фото Я. Халипа

Яков Павлов, желая успокоить жителей, сказал:

Дом вашиной надежно. Фашисты его не взорвут. Питание будем делить пополам. Всё будет в порядке.

Но «всё в порядке» было воего лица несколько дней. Гитлеровцы готовились к решительному штурму «Дома Павлова». В эти дни они ограничивались огневыми налетами, расстреливая дом из всех видов оружия.

Не теряли времени и гвардейцы. Дни и ночи кипела работа. Одна часть гарнизона дежурила у пулёмётного постола противотанковых ружей. Другая — разбросалась в стенах дома, обшивки, оборудовала огневые позиции. Гвардии Александров со снайперской винтовкой сидел на чердаке и зорко следил за противником. За несколько дней он отправил на свет 12 фашистов. Враг, не показываясь из-за укрытий, ссыпал «Дом Павлова» пульами, минами, снарядами.

Наконец наступило памятное 13 октября.

На рассвете фашисты начали артиллерийский обстрел дома. Среди гвардейцев появились первые раненые. 8.00 гитлеровцы начали штурм. С плющади шла пехота, из-за группы зданий подбираясь к дому танки.

Несколько самолётов начали бомбить под ходом со стороны Волги, откуда Павлов мог получить подкрепление. Телефонная связь обрывалась.

Павлов понял, что если он немедленно не изменит расположения огневых точек, рассчи-

танных на оборону дома лишь с двух сторон, противник захватит здание.

— Черноголов! Быстро со своим пулемётом на второй этаж! Будешь помогать стрелкам. Сектор обстрела — площадь, по пехоте.

— Есть по пехоте!

— Сержант Воронов! Передвинуть пулемёт левее. Бей по красному дому. Танки не трогай, сеши автоматчиков! Сабгайды!

— Я слушаю.

— Один расчёт бронебойщиков выдвинуть на северо-западный угол дома! Танки могут изменить направление и подойти оттуда.

— Я слышу.

— Одна расчёта бронебойщиков выдвинуть на северо-западный угол дома! Танки могут изменить направление и подойти оттуда.

— Я слышу.

— Первому батальону создать видимость наступления. Это отвлечёт часть сил противника от «Дома Павлова». Сапёрной группе организовать взрывы вот этого здания. Взрыв вызовет замешательство врага. Группе автоматчиков просочиться в тыл немецкой пехоты и нынче с ней на дом, на пулемёты Павлова.

Противотанковой батареи — огонь по танкам, прямой наводкой. Да, да! Прямой наводкой!

• • •

Павлов, щуплый, молодой парень, обросший бородой, с глазами, воспалёнными от бессонницы, в распахнутой шинели, появлялся то у

пулемётов, то рядом с миномётчиками. Одного его появления было достаточно, чтобы люди забыли об усталости и опасности.

— Отни, ребята! — кричал Павлов. — Огонь ка побольше, чтобы фрицы до самой смерти помнили, «чья эта улица, чей этот дом!».

Вой был троекратным, поражающим. Бешено звучало стекло. Павлов спускался в подвал дома, залитом выпал на кружки теплой, несложной воды и взял трубку телефона:

— Товарищи гвардии подразделения... Немцы отшвырнули у меня живы все. Ранены двое. Пости выставлены. Остальные отдыхают. Всё в порядке!

Уронил голову на стол, заснул...

В ту же ночь фашисты отгородились от «Дома Павлова» рядами колючей проволоки. Не наступать решили гитлеровцы, а защищаться от этого страшного дома.

Но в «Доме Павлова» находился всего двадцать девять молодых советских бойцов, старшему из которых был Андрею Сабгайды, было двадцать шесть лет.

Это было молодое племя великой Советской страны, её юность, закалённая в жестоких боях Великой Отечественной войны, вездесильные и жизнерадостные комсомольцы, беззаветно любящие свою Родину, готовые в любую минуту пожертвовать ради неё самым дорогим, что есть у человека... — жизнью.

Моя фронтовая записная книжка сохранила их фамилии. Вот они:

Павлов	Чурашев
Черноголов	Степанопольки
Шаповалов	Кирьев И. Д.
Александров	Кирьев И. Я.
Афанасьев	Воронов
Сабгайды	Иващенко
Сукба	Сараев
Мурзазов	Свирин
Турдыев	Круглик
Тургунов	Киселёв
Якименко	Крысин
Шереметов	Гридин
Чернышенко	Рамазанов
Глущенко	Москиниши
Атабаев	

Кто же эти люди, составившие непобедимый гарнизон «Дома Павлова»?

Русский паренёк Яков Павлов до войны работал счетоводом в колхозе «Крестья», Валдайского района, Ленинградской области, украинец Иван Киряев — крепышком в шахте имени Сталина в Донбассе, таджик Трудымов — учителем начальной школы в Наманганской области Узбекистана, татарин Рамазанов — грузчиком в Астраханском порту, азербайджанец Субба — машинистом электростанции в Нижнем Абашеве, Масенов — кочегаром в колхозе имени Михаила Чхака, татарин Чурашев — кузнецом в колхозе имени Ворошилова, в Таджикстане, узбек Мурзазов Бирхам — продавщиком селько в колхозе имени Карла Маркса, Самаркандской области. Русский паренёк Чернышенко учился в средней школе в селе Шелепуновке, Алтайского края...

Скреплённые братской дружбой, славные представители многих национальностей нашей великой Родины, молодые сыны Отечества, сражавшиеся в «Доме Павлова», явили всему世примеру мужества и стойкости.

Я попросил Павлова показать мне этот дом. Грустно былоходить по комнатам, еще сохранившим следы недавней мирной жизни.

Мы поднялись по лестнице со второго этажа.

Тварини гвардии сержант, притягиваетесь! успел крикнуть боец Мурзазов и, не шевелясь, показал глазами на появившуюся в стенах маленькую воронку.

Пуля, замы, взлетела в вестилу, рассекла воздух у самого носа Мурзазова и всплыла в стену, отколов кусок штукатурки.

— Вот она... — прошептал Мурзазов и, не шевелясь, показал глазами на появившуюся в стенах маленькую воронку.

Стена вестилу рядом с тем местом, где стоит на посту Мурзазов, изрыта сотнями мел-

каких выбоин. Будто оса прошла по стеке, изогнула её ровную белизну. Вражий свинец долбил стену непрерывно, но Мурзаев неустанно. Он стоит в углу, в так называемом «мёртвом пространстве»; пули не задевают его, хотя ему часто приходится высказываться, чтобы хорошо видеть дон, из которого бьют гитлеровцы.

— Второй этаж, третье окно слева... Ещё пудрят там появился!

Павлов внимательно рассматривает дом на противоположной стороне улицы, и мы, пригнявшись, идём дальше.

А Мурзаев стоит у стены рядом со смертью. Стоит и считает мягкие щелчки сапица, вздрагивая в мгновения, когда пули ложатся слишком близко...

Так вошёл в жизнь защитников Сталинграда «Дом Павлова». Все пути к переднему краю 13-й гвардейской дивизии лежали теперь через «Дом Павлова».

Разведчики, получив задание, ориентировали маршрут по «Дому Павлова». Командиры, сообщая обстановку, писали: «северо-западнее Дома Павлова» или: «вдоль метром левее Дома Павлова». На карте у полковника Енина не было больше защищённого четырёхугольника — был чётко обозначен «Дом Павлова».

19 ноября 1942 года по приказу Верховного Главнокомандующего товарщика Сталина гвардейцы перешли в решительное наступление на врага. В авангарде наступающих гвардейцев шёл гарнизон «Дома Павлова».

Десять лет прошли с тех пор, как на улицах Сталинграда программа последний выстрел. Программа и затих. Руки советских женщин, женщины Сталинграда, возглавляемых Александрий Черкасовой, «Дом Павлова» был восстановлен, одним из первых.

Это была благодарность, выраженная делом. За это дело женщины вложили все свои большие чувства. Павлов и его друзья шли на

И как символ жизни, как живое свидетельство непобедимости советского народа стоит ныне в Стalingраде, на площади Обороны, «Дом Павлова».

запад, к логову фашистского зверя, а в доме, который они отстояли, звенели детские голоса, заявлялись новая жизнь.

После войны Герой Советского Союза младший лейтенант Яков Федотович Павлов привёз в Стalingрад.

Он долго молча стоял у дома своего имени, где когда-то провёл пятьдесят восемь тревожных дней и бессонных ночей, и всем было по-нитто это молчание.

Растёт Стalingрад, хорошее с каждым

днём, с каждым часом. Уже пролегли новые улицы, заселены новые скверы, почти не осталось руин. Жизнь взяла своё!

И как символ жизни, как живое свидетельство непобедимости советского народа стоит ныне на площади Обороны «Дом Павлова», о котором зингает весь мир, о котором сложат ещё люди песни; и вспыхивает эта песня над Волгой и понесётся во все края земли, радужа сердца наших друзей и устрашая врагов, великая песня Мира.

Георгий ОСИПОВ

ПОДВИГ ПАТРИОТКИ

...Беспорядки в городе начались ещё с вечера. Железнодорожники Багдада, рабочие табачных фабрик, студенты колледжа, ремесленники горючо обсуждали положение в стране. Английские и американские колонизаторы угрожали народу кровью расправой только за то, что он потребовал отмены неравноправных договоров и изгнания иностранных концессионеров.

Амуха Басри была в Багдаде. Она видела, как в город стягивались жандармские силы и бронемашины. По улицам громыхали танки и бронемашины. На английскую военно-воздушную базу Хаббанийа, западнее Багдада, прибывали самолёты с парашютами и реактивными самолётами. Приводили моряков через реку Тигр уже обнаживши кровью первых жертв — было убито несколько студентов.

Всю ночь в «домике на реке» — так называется роскошный особняк британского посла в центре иракской столицы — ярко горел свет. Там беспрерывно происходили совещания английских и американских дипломатов. В двери входили и выходили иракские министры и генералы. В промышленных центрах, создававшихся военные трибуналы. Нефтепромыслы в Киркуке, Мосуле и других нефтяных районах усиленно охранялись войсками.

Так нарезал чудовищный заговор против народа Ирака.

Январским утром 1948 года город казался вымирающим. Могчили фабричные гудки, не слышно было воя пароходных сирен, лязга портальных кранов. Всегда огромный пест-

рый базар, какой можно встретить только на Востоке, пустовал. Улицы патрулировали жандармы, одетыми в форму цвета хаки, и сержантами полицейского «верблюжьего корпуса».

Тем вражеским на окраине города, на берегу одного из речек, ручьёв, собрались доджинчи Тигра. Одни из них, маскированные золотым кольцом на мизинце, горячо доказывали, что политика не дело подожиников.

— Они, — говорил провокатор, — не должны уподобляться рабочими на предприятиях или легкоизъяснимыми студентами. Не в их интересах соориць с властями, ни с англичанами, ни с эмиссионистами.

— А служить оккупантам — их дело! Только народ поддерживает движение народа из независимости! Ты подлыи трус и предатель!

Эти слова резко выкинула Амуха. Её томкая смуглая рука, скжатая в кулак, угрожающе здигла перед носом провокатора.

— Уберите эту дачоню! — кричал он. — Коран! — запрещает женщины вмешиваться в мужские разговоры!

— Убираяя сам! Проваливай! — разделы дружные всплески собравшихся. — Иди зарыбайтесь своим днём в позиции!

Подожинчи Тигра единодушно решили принять участие в большой антиимпериалистической демонстрации багдадских пролетария.

К полудню центральная улица Рашида называлась бушующим потоком. Никакие заграждения и полицеийские кордоны не смогли помешать народу выйти к центру столицы.

Мрачнее тучи стоял на балконе своего особняка британский посол. В полицейских участках и воинских штабах нервно звонили телефоны и поступали телеграфные аппараты.

Трижды в этот день о положении в Багдаде информировали министры из Лондона. Когда первая колонна демонстрантов появилась на площади, над ней засверкали транспаранты с логотипом Ирака: «Мы хотим свободы и независимости!», «Англия убывает с своих островов», «Долой агентов Трумана!», «Долой Портсмутский договор!». За железнодорожниками шли доджеры, студенты, текстильщики, будоны, купеческие и ремесленники. И казалось, не будет конца волкам людским, запрудившим улицы Рашида и узкие багдадские переулки.

Впереди одной из колонн шагала рядом с высоким стариком Багдадская девушка Амуха Басри.

Насовидавшие колонны демонстрантов остановились. Впереди посыпалась сухой трасса винтовочных выстрелов. С глоссами крыши домов в толпу посыпались слезоточевые бомбы.

Одновременно из какого-то перекула показались пожарные машины. Брандспойты сильной струй обливали людей с ног до головы, валили их наземь.

— Как они осмеливаются? Отого по мирной демонстрации! Это убивают наших братьев и

1-Коран — свод мусульманских церковных законов.

2-Динар — денежная единица в Ираке.

СЕ МАН ИР

СТИХИ о СЕВЕРЕ И ЮГЕ

1

Вновь река на пути... Ни моста, ни дорог у реки.
Тьма черна, и густа, и тверда, хоть руби на куски!
Люди молча на север идут, людям трудно идти.
Только гору минули — и снова гора на пути.
Ночь кругом, мгла кругом. В небесах ни звезды, ни луны,
Но сердца молодые надеждой озарены.
Их надежда на север ведёт по руинам родимой земли.
Больше тысячи ли позади. Впереди больше тысячи ли.

Кто они, что идут по звериным тропам в этот час?
В трудный путь кто побл их, кто отдал приказ?
Люди держатся за руки, люди держаться должны,
Чтобы чувствовать руки друзей, чтобы не соскальзнути с вышин.

Эти юноши с юга страны, из сожжённых посёлков и сёл.
Месть приказ им дал, гнев в дорогу побл.
Эти люди — рабочие, пахари и рыбаки.
Из предметов Тагу, с берегов Наконгана-реки.
В грозный час для Отчизны под звуки пальбы и дождя
Патриоты на север идут, чтобы встать под знамёна вождя.
Люди молча на север идут, и шаги их тверды;
Хотя и ноги на север идут, и шаги их тверды,
Хотя на севере встречают друзья, им оружие в руки дадут...

В тот же час по щельям на юг северяне идут.
Партизанские троны ведут патриотов туда.
Где дрожат плащи, где на воздух взлетят поезда.
Хлеб спалили враги на корни, но огнь и враги вопреки
Не для стеблей, да мести там точат серны старики.
Нет, сегодня не север и юг в состояниях войны,
А корейский народ

и враги нашей милой страны.

2

У предателя родины нет. Там предателю «родина-мать»,
Где сегодня ему удалось свою душу прорвать.
Но для честных корейцев родная страна,
Невзорян на линии фронта, — одна.
Если надное сердце разрезать моё, всё равно
Двух не будет сердц, а останется сердце одно.
Где же кончается север, где начинается юг?
Кто позволит рассеять нашу землю, и воду, и воздух вокруг?

— Два солдата-корейца отрыли окоп под горой,
Уроженец Пхеньяна один, уроженец Пусана другой.
Дружно оба солдата стреляют наводкой прямой
В чернокрытую птицу, несущую бомбы с чумой.

У развалик дорог чужеземные танки гремят.
Два солдата бросаются к танкам со связкой гранат.
Уроженец Вонсаны один, уроженец Намвона другой,
Танк спорел, а могилы друзей порастают травой
Там, где пали они у развалик дорог
За Корею: за север, и запад, и юг, и восток.
От Пхеньяна до южнокорейских вершин
Гневный голос народа сливается в голос один.
Этот голос звучит над привольем просторов родных,
И боятся его плачи и хожеева их.

Перед ним отступает чума и дрожит Уолл-стрит...
Враг ни север, ни юг нашей Родины не покорит.
Будет,

будет свободною — близок уж срок! —
Вся Корея: и север, и запад, и юг, и восток!

Перевод с корейского
Н. ГРЕБНЕВ

сестр! Прощай, отец! — Амуна повисла у старика на шее и через секунду исчезла в tolpe.

Полицейский офицер в белом тюрбане на голове, прозванный багдадцами «Клецка», отрывисто отдавал приказания. Перед каждым шагом он бросал на награждённых Одежду выстrelы становились всё реже и реже. Полицейские, плясая назад от наступающих демонстрантов, бросали винтовки и смешивались с толпой. Несколько железнодорожников, вырвав из мостовой бульдозеры и куски асфальта, метнули их в сторону офицера. Амуна видела, как слетел тюрбан с головы «Клецка», как его круглая короткая фигура со смертельно испуганными рачьими глазами опрокинулась назинь.

Теперь Амуна была впереди колонны, направляющейся к «доминикам на реке» — к разъединению английского посла.

— Разбойник! Преступный колонизатор! Вон из нашей страны! — неслись из рядов демонстрантов тысячуслышные возгласы.

Со стороны моста послышались звуки военного рожка и погрома, издаваемого британским грузчиком. Вокруг бросили на безоружных демонстрантов ядерные части, спешно снятые с сирийской и транссибирской границ. В стальных шлемах, с притянутыми штыками солдаты длинными цепочками перебегали через мост, распространяясь по площади и близлежащим улицам. На бронетранспортере разъезжал генерал, отдавая последние распоряжения.

Толпа в первоначальности остановилась. В наступившей тишине слышны были только треск затворов и приглушенные слова команда.

И в тот самый момент, когда передняя цепочка солдат изготовилась к залпу, от рядов демонстрантов отделилась фигура девушки. Она быстрым шагами приближалась к стрелкам и через минуту оказалась перед строем ружей.

— Стреляйте! Стреляйте в свою сестру, друг другу! Вы должны стрелять, и склони голову в знак солдаты! Стреляйте, если у вас не только английские винтовки, но и английские сердца! Разве вы не такие же иракцы, как мы, разве не ваши родных и близких убивают на этих улицах!

Одни за других опускались солдатские ружья. Унтер-офицер, вскочив к животу автомата, пытался нажать гашетку.

Но уже было поздно: Амуна, а затем несколько солдатских рук схватились за ствол автомата. Скоро вокруг Амуны собрались десятки девушки и женщин. Одни мирно разговаривали с солдатами, другие произносили плачевые речи, направленные против иностранных колонизаторов.

По всей площади началось братание народа со своими сыновьями, одетыми в мундиры цвета хаки.

Через три дня полицейские агенты схватили Амуму Басри, и она предстала перед военным трибуналом.

— Вы обвиняете в подрыве национальной безопасности, — сказал председатель суда.

— Нетрудно, я просто сказала солдатам, что им нечестно начинать стрелять в демонстрантов, мы, иракские девушки и женщины, никогда не простим им этого... Я говорила, чтобы они помогли нам изгнать иностранцев и сделали страну свободной...

Военный трибунал приговорил Амуну Басри к пожизненному тюремному заключению.

В Берлине на Всемирном фестивале молодёжи и студентов Международная демократическая Федерация женщин наградила ценными подарками группу женщин — борцов за мир и свободу. Среди награждённых была и багдадская девушка Амуна Басри, которая награждалась заслуженно, так как она до сих пор томится в одном из лагерей смерти.

Ион Лука КАРАДЖАЛЕ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Рассказ

Ион Лука Караджале (1852—1912 гг.)— классик румынской литературы. Караджале в своих произведениях бесподобно разоблачал румынскую буржуазию.

Выхожу я однажды утром из дома и вижу: по улице мчится галопом про-Архака и в её седле сидит холмистая знакомая— мадам Калиопи Джорджеску. Я приветствовал её самым почтительным образом. Заметив меня, она быстро остановила пролётку, ткнув зонтиком в спину извозчика.

— Целую ручки, мадам Джорджеску, — сказала я, подходя к пролётке.

— Я к тебе, — отпустила мадам Калиопи, явно чем-то изволованная.

— Ко мне?

— Умоляю тебя помочь мне.

— Помоги мне! Ты должен оказать мне большую услугу. Друзья мои познаются в тебе... Посмотрим, что ты мне за друг...

— С величайшим удовольствием. Но скому ли я...

— Сможешь? И не возражай, пожалуйста. Я знаю, что ты можешь. Ты должен помочь...

— В чём же, наконец, дело?

— Ты знаком с... Я знаю, что ты с них знаком.

— О ком?

— Он твой друг!.. Я знаю это. И не говори, что он не твой друг.

— Кто?

— Попеску. Преподаватель философии.

— Мы действительно знакомы с ним.

Но я не могу сказать, что мы с ним хорошие друзья...

Пустяки. Немедленно садись в пролётку, и я сяду к нему. Ты поговоришь с ним об Овидии!

Читатель должен знать, что у мадам Джорджеску три сына — Вергилий, Гораций и Овидий. Вергилий учится на третьем курсе юридического факультета. Гораций — на втором, а Овидий собирается поступить на первый курс того же факультета. Сейчас, сдавая на аттестат зрелости, Овидий, по словам мадам Калиопи, мужественно одолел все предметы, но провалился на экзамене по морали.

— Представь себе, — говорила изволованная мать, — к малявчику придираются. Ему хотят испортить карьеру. А от такой впечатлительной. Он в состоянии погубить себя... Ты знаешь, он сказал мне:

«Мамочка, если я пропущу хотя бы один год, я умру». И он действительно умрёт. Он так честолобый! Ты можешь себе представить, сколько у меня «три», а ему нужно «четыре» высшую оценку... И по какому предмету? По морали... Ты знаешь моего малчика с детства, знаешь, каков я ему дала воспитание...

— Ну, ещё бы!

— Понимаешь, по морали. Прошу тебя, садись скорее! — И, сказав это, мадам Калиопи поднялась, освободив для меня место в пролётке.

— Не будет ли лучше, мадам Джорджеску, если я учитель поедет сам господин Джорджеску? человек с положением... как они... совершил другое дело... а я совершенно посторонний.

— О, что ты! Господин Джорджеску! Разве ты не знаешь, как разводились с своими детьми господин Джорджеску? Был на то его воля, ни Вергилий, ни Гораций не увидели бы университета. Мальчики остались бы даже без аттестатов зрелости. Ну, садись же.

— Я лучше пойду пешком, мадам Джорджеску.

— Господи! Зачем идти пешком, когда можно пролёткой? Садись!

Мне было не оставалось делать. Я сел, и мы поехали.

— Куда мы едем? — спросил я.

— К учителю.

— Я не знаю, где он живёт.

— Я знаю... Это тебе не касается. Направо! — командали мадам Джорджеску и ударяли извозчика по правому плечу.

— Гони! Скорей!

Она бьёт извозчика по левому плечу, потому по правому, снова по правому, потому по левому и, наконец, вонзает конец зонтика ему в спину, и пролётка останавливается.

— Смотри, — говорит мадам Джорджеску, — видишь жёлтенный домик возле балаклавской лавки? Войдёшь во двор, и в глубине направо... Я подожду тебя здесь.

Я слезаю с пролётки и иду, моля бога о том, чтобы учителя не оказалось дома. Подхожу к его квартире, стучу. Но небо

не вняло моим мольбам: господин учитель дома. «С чего начать? — думал я. — Начну ка издалека».

Дорогой Попеску! Странное впечатление производят наши школьные программы: всем предметам придаётся одинаковое значение, и это находит учёрд развития, то есть я хочу сказать, прогрессу, ибо что в конце концов хочет сделать школа из молодого поколения, которое жаждет... э-э.. понимаешь.. культуры, чтобы стать полезным обществу?

Учителя недоуменно смотрят на меня и ничего не понимают.

Я продолжал:

— Я, например, встречал немало нелепостей в наших школах. Я знаю детей с превосходными способностями, которые оставляли на второй год только из-за неудовлетворительных оценок по пению и физкультуре. Предоставь возможность потерять го, из-за неспособности к пению или физкультуре! Это так же нелепо, как и то, что ты сам заставляешь одного молодого человека, склонного к изучению права, оставаться на второй год только потому, что он не силен в морали. Ну скажи: какое отношение имеет мораль к карьере адвоката, которую избрал себе этот молодой человек?

Учителя таращат на меня глаза, всё более удивляясь. Видя это, я говорю себе: «Ну выйдет, не выйдет с моей системой «издевака! Надо брать быка за рога!»

— Послушай-ка, Попеску! Оставим принципиальные вопросы. Знаешь, зачем к тебе приехала?

— Ну...

Я приюхала просить тебя за Овидия Джорджеску. Ты вчера экзаменовал его по морали и поставил «три». Поставь ему «шесть».

— ?

— Не говори, что не можешь! Я знаю, что можешь! Ты должен смычку!

— Но тогда всем нужно исправить отметки.

— Исправь всем.

— Хорошо, но...

— Не говори, что не можешь! Знаю, что можешь! Должен смычку! Исправь всем!

Они все дети из хороших семей. Учителя (он тоже из хороший семьи) говорят:

— Хорошо! Если они из хороших семей, я постараюсь поставить всем «шесть».

— Отшешай?

— Слово учителя!

Я ушла удовлетворённый. Мадам Джорджеску ожидала меня с большим нетерпением.

— Ну?

— Он поставит всем.

— Как всем?

— Очень просто... потому что все они из хороших семей.

— Как из хороших семей?

— Овидий.

— Не понимаю.

— Он поставит, — говорю я, — хорошие отметки всем мальчикам.

— И Овидию?

— А Овидию из особенности. Он поставит им «шесть» потому, что они все из хороших семей.

После полудня я получила из мадам Джорджеску письмо, в котором она сообщила, что Овидий получил желанную оценку, и приглашала меня к себе на ужин.

Разумеется, я не мог отказатьсь от столь любезного приглашения. Стол был великолепен. Мы пили шампанское как здоровье Овидия Джорджеску и жалели умной блестящей карьеры. Мадам Калиопа была на вершине блаженства. Она из всей души расцеловала своего альбиноса-младшего, а последним экзаменом которого во время прекрасились её материнские волосинки.

— Уф! — облегчено вздохнула почтенная женщина, предлагая мне бокал шампанского. — Я выдержала и этот экзамен.

Перевод с румынского
С. НОСОВ, Ю. ЛЕОНОВ

В УРАЛЬСКИХ ЛЕСАХ

Свердловск — город заводов, вузов, техникумов, «рабочник и вони», как его называл В. Маяковский.

Один из старейших заводов Урала, Верх-Исетский металлургический, здесь называют просто ВИЗ. Он возник в 1726 году, через три года после основания Екатеринбурга на реке Иеть. Высококачественное кровельное железо марки «Соболь» славилось далеко за пределами России. Слава завода до много крат простирается в наши современные времена.

Многие из этих стальных, кадровых рабочих, начиная с младшими, — лучшие отдыхи, после напряженного трудового дня юноши и девушки считают спорт. Он здесь очень широко развит. Только лишь в прошлом году около четырехсот юношей и девушек выполнили нормы комплекса «ГТО». Десятки молодых рабочих стали квалифицированными спортсменами-разрядниками по гребле, плаванию, пулевой спорту. Все первые места в городе по гребле и парусному спорту принадлежат верхнечистым. Слесари паросилового цеха Анатолий Дубыш — чемпион города по гребле.

Футболисты завода — обладатели кубка города. Они несколько лет подряд выигрывают городской турнир. Велосипедисты заняли первое место в спартакиаде заводов Свердловска.

Меньше года существует на заводе туристская секция. Началом работы этой секции был поход небольшой группы по Южному Уралу. Ставар С. Блиновик, прокатчик Ф. Жабриков, конструктор С. Тарасов и другие прошли 180 километров в районе Ильменских гор по озёрам Ильменскому, Кызыль, Тургояк, Ишкуль.

После зачтённого похода туристы сделали нормы и получили значки «Турист СССР». С этого и началась регулярная туристская работа.

Тренировки проходили дружно. Лыжники уходили в заснеженный лес, на гору Хрустальную, преодолевали большие переходы, учились ориентироваться при помощи компаса, читать карту. Завод помог туристам-пробрести палатки, спальные мешки, рюкзаки и другое снаряжение.

Наступил день, когда туристы решили совершить многодневный лыжный поход по маршруту Нижний Тагил — Висим — Свердловск. Предстоял нелёгкий двухстокилометровый путь в условиях тайги района, по пересечённой местности.

В состав группы вошли опытные туристы: В. Лужник, А. Логиновских, И. Полянин, В. Ширинкин; новички А. Добыш и О. Баблюк. К группе присоединился турист медицинского института В. Штук. Начальником

похода был утверждён руководитель секции Е. Масленников.

Вот отрывки из дневника одного из участников этого интересного похода:

...После окончания рабочего дня в полном «бовом» снаряжении собрались туристи. Несметно промелькли 4 часа, проводимые в поезде. Вот и Нижний Тагил — второй после Свердловска промышленный центр области. На фоне ночного неба величаво вырисовываются трубы многочисленных заводов.

1-й день

...Выходим за город и становимся на лыжи. Прямая, как стрела, пролегла по лесу широкая Висимо-Уктунская трасса.

Дорога то поднимается в гору, то круто идет внизу. В первый день обильно чувствительна тяжесть пудовых рюкзаков. Чего только в них нет: и палатки, и спальные мешки, и продукты, и одежду.

Хорошо управляющаяся Советской неделенка вывела нас от Тагила, в нетронутую красоту леса уже радует глаз. Земля, ветви деревьев, кустарники, старые пни — всё покрыто толстым слоем пушинистого снега, который всё валит и валит. Лес вплотную подступает к нам, лишь едва заметная дорожка служит ориентиром.

Слух. Сильно отталкивается палками и лежит с горы. Стоп! Авдир: Вадим Штук сломал лыжу... Но туристов это не застает врасплох. Появляются из рюкзаков шурпулы, гвозди, накладки, топоры, и специалист по ремонту снаряжения Александр Кузнецов принимается за работу.

Лыжи после ремонта служат не хуже, чем новые. На следующий день первый дежурный достает термос с чайником и сахаром.

Рано темнеет зной. Долина быть уже близко деревни Захаровка, но, как назло, поднялся буран, ветер со снегом бил прямо в лицо, дорога совсем исчезла. Пришлося достать компас и карту, проверить направление.

Две часы борьбы с пургой и метелью — и наконец видели мельчущие приветливые огни Захаровки. Радостными криками приветствовали мы долгожданную деревню.

2-й день

Метель продолжалась. Сильный юго-западный ветер бил в лицо, перемещал только что проложенную лыжню. Сегодня мы идём на родину знаменитого уральского писателя, «певца Урала» Д. Н. Мамин-Сибиряка, в поселок Висим.

Места здесь живописны! Тропинка весело вьется среди густого хвойного леса и вдруг

Фотоочерк Е. Маслениникова и Р. Рубель

выходит на высокий угор, откуда открывает вид на много километров вокруг.

Всё дальше и дальше тут солнце освещало разбросанные на угорах деревни. Висимая, утонувшая в пущистых снеговых сугробах.

— Вот это киржачская сторона, это тульская, это холмская! — показывал кто-то места, описанные Мамином-Сибиряком в «Трёх конях».

Вот домаики, где жил и учился писатель, В одном из них теперь детская библиотека, в другом — поликлиника. На домах мемориальные доски.

...Пришли вечер. После 30 километров пути на кордонах, заснеженных среди глухого тайного леса. Нас приветливо встретили, устроили в общежитии.

В дружеской беседе с рабочими незаметношли часы. Старые рабочие-горячки рассказывали о жизни на прииске в дореволюционное время. Один из старейших рабочих,

Александр Филимонович Калмыков, вспоминал тяжёлый, подневольный труд в царское время, с воодушевлением прочёл напамять отрывки из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

3-й день.

Лыжи сложены, рюкзаки уложены, мы спо-ва в лесу остановились, скажено красивое, где каждое дерево поклон, кустик нарядно убраны белоснежными покрывалами.

Скоро «Старик-камень» — одна из самых высоких вершин Среднего Урала. Его 765-метровая вершина величественно возвышается над соседними грядами. Она видна даже в метель.

Два с половиной часа длился подъём. Вот уже виден скалистый гребень, но вершины выше. Наконец достигаем вершины.

На вершине сложен традиционный каменный тур для писем туристов. Неожиданно находишь там письмо в стихах:

Туризм по-настоящему трудолюбив, привык.
И вот уж какая волшебница «Старик»,
Товарищи стоят на холме рядом,
Седой Урал онцирская ватладом.

Темнеет, бесполезно искать село Большое Галашки, где мы думали остановиться на ночлег. Ночнем в лесу, в старом разбитом сарае, в спальных мешках.

4-й день

Идём снова по снежной целине, меняясь местами каждые 15 минут. Вот и Галашки, которые мы не нашли накануне. После короткой остановки идём в село Чусовское. Оно расположено в долине реки Чусовой, окружённой горными грядами, покрытыми лесом. Уже совсем вечером заблистали впереди огни Чусовского.

5-й день

Сегодня движемся по долине реки Чусовой. Горная красавица Чусовая и зимой сохраняет свою прелест. По берегам высится отвесные скалы-«бойцы», вокруг красивый хвойный лес...

6-й день

Последний день похода. Сколько живых, красочных впечатлений, сколько замечательных воспоминаний останется в памяти у каждого из нас!..

Поход прошёл очень удачно. Участники проверили свои силы и выносливость, умение

Зима укрыла снегом тайгу.

организовать ночлеги в зимнем лесу. Восторженные рассказы участников, многочисленные фотографии, дневники и фотогазеты ещё больше усилили интерес заводской молодёжи к туризму.

На привале. Теперь можно отдохнуть, подкрепиться, наметить дальнейший путь.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Л. АБРАМОВА

Перед каждым шахматным чемпионатом страны сотни тысяч любителей пытаются представить себе, как развернется борьба на турнире. Но вот начинается игра — и даже самые смельчаки затягиваются в неудобные разговоры с судьями и влюблены в двадцатом чемпионате, которым завершился столетний юбилей шахматными событиями 1953 года.

Уже в первом туре самых молодых мастеров страны студент Димитров, Виктор Кориной заставил сложить оружие гроссмейстера Смыслова. А через неделю — и еще один гроссмейстер — Юрий Ольин в ознаменование победы над одним из лидеров соревнования.

Другой линейностью, впервые в истории шахматного финала первенства, Василий Вышеслав, в пяти турах добился всего лишь однажды победы — и это оказалось нечем было окончить! Но после пятого тура молодого мастера будто подняли на крыло — и он стал играть энергично и результативно. И результат не за медлил сказаться. Из последующих восьми партий Вышеслав выиграл пять, одержав победы над таким гроссмейстером, как Нерес, Смысловым, Болеславским и Трояниным.

Среди болельщиков считали, что, несмотря на некоторый недостаток в опыте, Вышеслав в встречах с имеющими противниками помещает Тайманова в борьбе за первое место. Эти предположения подтвердились в первых трех турках. Однако после победы над Ботвинниковым в шестом туре Тайманов вернулся к игре. Он стал играть с занадидой легкостью, смело осуществляя сложные стратегические замыслы и

наиценные комбинации. Одного за другим побеждал он опытных и опасных противников. И когда в шестом туре было сделано со противление Бронштейна, оказалось, что Тайманов на полтора очка опередил его. Итак, Тайманов — Ботвинников, Геллер и Коричко.

К пятнадцатому туру этот разрыв увеличился до двух очков, и казалось, что исход борьбы предрешен. Однако Тайманову довелось отступить, и Ботвинников и Геллером пришло время испытать горечь поражения.

Выиграв партию у Ботвинника, он показал свою исполнительную начисту турнирного игрока. К финишу соперники были на равных, и Тайманов, набрав по одному идентичному количеству очков, Третий место занял Е. Геллер.

Тайманов занял 190-е партий сыгравшие между собой сильнейшие советские шахматисты.

К этому положению привелось после 13 ходов партии Тайманов — Бронштейн. Планы обоих противников ясны. Бронштейн, играющий черными, готовит атаку на неприятельского короля. Тайманов по-

ставил перед собой, казалось бы, более спиритную цель — погромовать ферзя соперника чужими

14. e4—c5
15. c5—d6
16. Kc3—d5
17. Kd5—e4
18. Kd5—e3

Иначе белые сыграли бы, 19. Ke4, а затем Cf8—C5. Kf8—d7
20. Kd7—e2

Черные пытаются исправить ошибку, допущенную на шестнадцатом ходу. Но пондидо.

21. f1—n4
Kf8—d4
22. Kd2—f2
Cg8—d7
23. Ce1—d1
Fg8—e8
24. Kf2—e4
Fe8—d8
25. h2—h3

Итак, все угловые черных на королевском фланге отражены и им осталась лишь одно — засыпаться.

26. Kc2—d3
Kf6—h5
27. Kd3—b7
Kh5—e3
28. Lb7—e7
La8—b8
29. Ll1—e1
La8—d8
30. Kd3—c4
Ld8—d6
31. Kc4—b6
Ld6—d8
32. Ff1—e2
Ld8—d6
33. Le1—c1

Все в этом коридре, по существу, занятое. Все фигуры «чайных стекен». Пешки ab и d6 не могут быть надежно защищены. Ошибки ведут к победе. 34. La7 и затем Fc7. Бронштейн решает любой ценой вызвать осложнения, но это ни к чему не приводит.

Себя—15
Если белые примут жертву

(34. e4), то последует 34...d4

35. Cf5—d3
Lb6—d6
36. Cb5—d7
Kc7—d5

37. Kd7—f8
Ld6—d7
38. Fc5—d4+
Ld7—d5

39. Fc5—d2+
Kd3—e2
40. Khr1—h2
g5—g4

41. Kd2—g3
Ld5—d2

Черные не избежали теперь крупных потерь, и Бронштейн сдался.

КРОССВОРД

Составил С. Геев (г. Москва)

По горизонтали:

- Великий русский учёный, физик, геологический материал, 9. Задница, 12. Строительный материал, 13. Искусственный шелк, 15. Металл, 16. Истина, 21. Народный танец, 22. Народная Республика, 26. Высшая форма образца, 27. Дарование, 28. Персонаж, рассказанная Л. Н. Толстым книжка, 29. Вид борьбы, 30. Травянистое растение, 31. Страна в лицу, 32. Обработка фотографических негативов и снимков, 33. Группа для обозначения остановки на дороге, 34. Горы с кратером на вершине, 37. Густота, 38. Состав вещества, 42. Украшение из камня или раковины, 43. Требование, 44. Страна, в которую изображаются изображающихся строк, 46. Письма Кориной, 47. Городской житель, 48. Странство, дающее характеристическую реакцию с другим веществом, 49. Спор.

По вертикали:

- Позым А. С. Пушкина, 2. Водопад, 3. Благородный металлик, 4. Конвентантинов именем, 5. Советский пиджак, 7. Имя одного Ханжонка маклонитопечатника, 11. Образ на обложке коллекции Рембрандта, 16. Погоня одного и того же, уже сказанного или несказанного, рисунка, 17. Высшее звание командного состава Военно-Морских Сил, 18. Государственный герб, 20. Дорожные средства, 22. Сосуд для перегонки жидкостей, 23. Типичное явление в Ивановской области, 31. Опера Рахманинова, 35. Поступок, не верящего в существование власти, 36. Сорт коровьей травы, 38. Смесь окиси металла с порошком, 39. Шахматная фигура, 40. Национальность, 41. Лицо чужого человека, 42. Член общества, 43. Персонаж рассказа А. М. Горького «Страсти по морскому», 45. Виноградный кустарник.

Редакция: В. Ажаев, Г. Гулян, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Жуков, О. Конюхова, М. Луконин, А. Никонов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. Изд. № 142.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Лицензия № 4. Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Подписано к печати 31/1 1953 г. Формат бумаги 70 × 108^{мм}. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СМЕНА
В номере:

Учитесь упорно, терпеливо! Педагоги.
Валентин Берестов — Пуд солдат.
Шарль Альбертин — Московский мороз. Стихи.
Валентин Сидоров — Выпускница.
Ольга Колухова — На благо народа.

Евг. Винокур — Стихи.
Лариса Фёдорова — Персональные заметки. Олег Борчев.
Г. Борисова — Справки и гостеприимство Рая Панагиоровой.
Кузяков — Девушка из университета.

Л. Быкова — Любимый профессор.

А. Шаров — Сеня, Савина и Романа. Рассказы.

Александра Ремчук — Живое слово.

Береги честь смолоду — Читательница статьи А. Первеницева.

Юлия Чуприна — Дочь Навального. Георгий Осипов — Подвиг патрона.

С. Ман ир — Стихи о севере и юге.

Ион Луна Кардигали — Атлетист арестован. Рассказ.

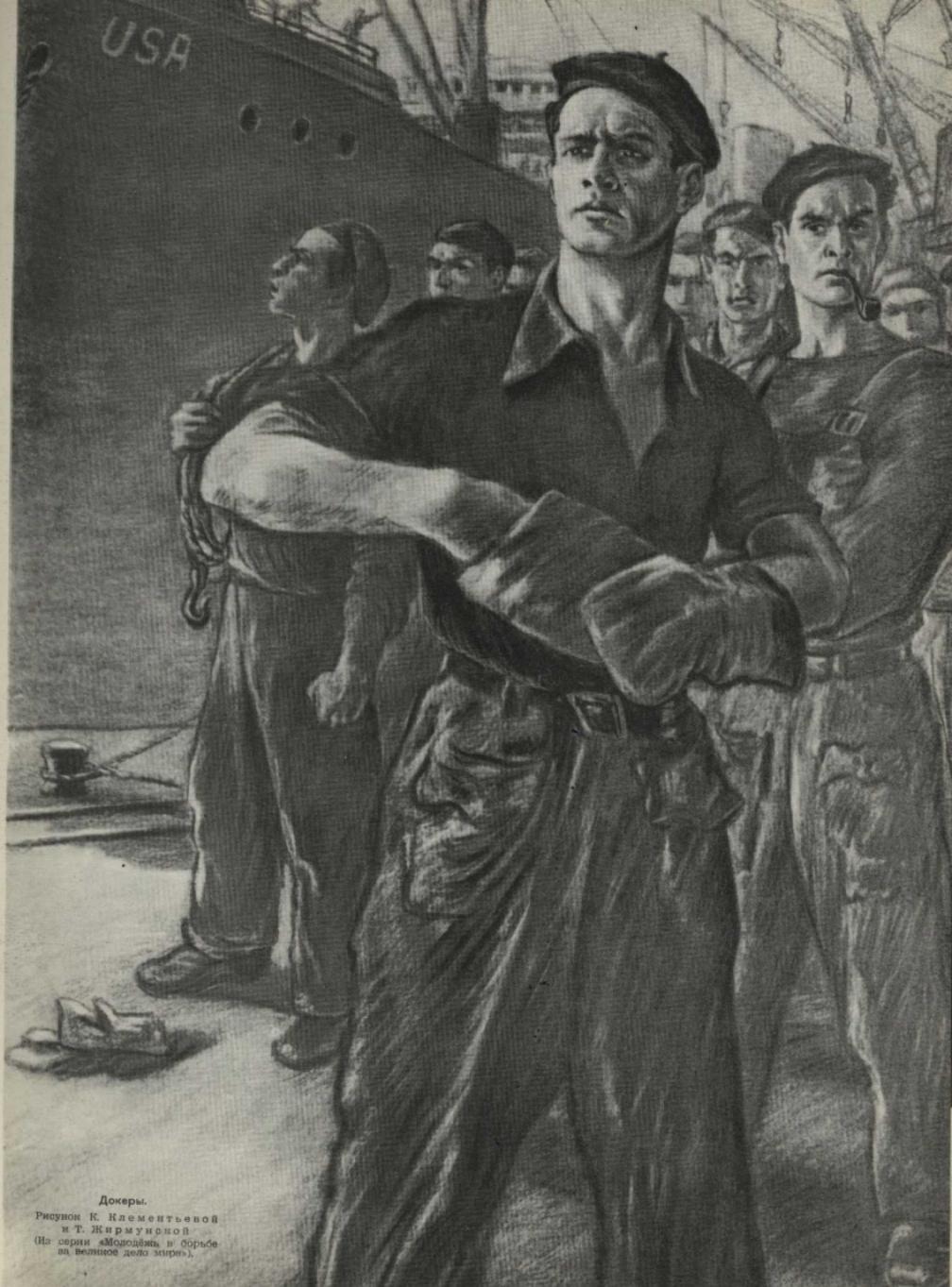
Е. Масленников, Р. Рубель — В уральских лесах.

На первой странице обложки: На охоте. Фото А. Моклецова.

На четвёртой странице обложки: Фотоэпизод Л. Сидорова.

Оформление номера В. Урина.

Докеры.

Рисунок К. Клементьевой
и Т. Жирмунской
(Из серии «Молодежь в борьбе
за великое дело мира»).

10) 115 Годинову

Цена номера 2 руб.

